

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

СОЦИАЛИЗМ КАК ОПРЕДЕЛЁННЫЙ ЭТАП
И КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ
СОЦИОИСТОРИЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
В РОССИИ: Т.Н. ГРАНОВСКИЙ
И П.Н. КУДРЯВЦЕВ

ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ:
КРАТКИЙ ОЧЕРК ОСНОВНЫХ ИДЕЙ

2016/ № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2016 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета» (серия «Философские науки») включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по философским наукам (09.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University». Series: «Philosophy» is included into the "List of Reviewed Academic Periodicals and Editions where scientific results of a doctoral thesis or a Ph.D. thesis should be published" (List of the Higher Certification Committee) on Philosophy Sciences (09.00.00). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russia)

ISSN 2072-8530 (print)

2016 / № 4

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2016. — № 4. — 92 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26302

**Индекс серии «Философские науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40724**

© МГОУ, 2016.

© ИИУ МГОУ, 2016.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»:**

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Философские науки»

Ответственный редактор серии:

Песоцкий В.А. — д.ф.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Загребин М.В. — к.ф.н., доц., МГОУ

Ответственный секретарь:

Картавцев В.В. — к.ф.н., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Бондарева Я.В. — д.ф.н., доц., Академия повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования (г. Москва); **Кокорин А.А.** — д.ф.н., проф., Академия Федеральной службы безопасности РФ (г. Москва);

Бузук Г.Л. — д.ф.н., проф., МГОУ; **Демина Л.А.** — д.ф.н., проф., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина; **Макеев С.В.** — д.ф.н., проф.,

Адыгейский государственный университет (г. Майкоп); **Беркут В.П.** — д.ф.н., проф., Военная академия РВНС имени Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации; **Губман Б.Л.** — д.ф.н., проф., Тверской государственный

университет; **Виноградов А.И.** — д.ф.н., доц., Мурманский арктический государственный университет; **Курабцев В.Л.** — д.ф.н., доц., МГОУ; **Семаева И.И.** — д.ф.н., проф., МГОУ; **Евстифеева Е.А.** — д.ф.н., проф., Тверской государственный техни-

ческий университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Philosophy»

Editor-in-chief:

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

M.V. Zagrebina – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

V.V. Kartavtsev – Ph.D. in Philosophy, MSRU

Members of Editorial Board:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Academy of Postgraduate Education and Professional Retraining of Educational Workers (Moscow); **A.A. Kokorin** – Doctor of Philosophy, Professor, Academy of the Federal Security Service (Moscow); **G.L. Buzuk** – Doctor of Philosophy, Professor, MSRU; **L.A. Demina** – Kutafin Moscow State Law University; **S.V. Makeyev** – Doctor of Philosophy, Professor, Adyghe State University (Maykop); **V.P. Berkut** – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation; **B.L. Gubman** – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University; **A.I. Vinogradov** – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University; **V.L. Kurabtsev** – Doctor of Philosophy, Associate Professor, MSRU; **I.I. Semaeva** – Doctor of Philosophy, Professor, MSRU; **E.A. Evstifeeva** – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, Member of the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophy. – 2016. – № 4. – 92 p.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-26302

**Index series «Philosophy» according to the union
catalog «Press of Russia» 40724**

© MSRU, 2016.

© Information & Publishing department of MSRU, 2016.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Володина О.В.</i> НООСФЕРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДУХОВНОСТИ	6
<i>Гогиберидзе Г.М., Кармова М.Р.</i> РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	15
<i>Джиган О.В.</i> КАРТИНА МИРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ	22
<i>Кирюшин А.Н.</i> СУЩНОСТЬ ИГРЫ И ИГРАИЗИРОВАННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ	29
<i>Михалкин Н.В.</i> СОЦИАЛИЗМ КАК ОПРЕДЕЛЁННЫЙ ЭТАП И КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОЦИОИСТОРИЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА	38
<i>Сошнина А.Г.</i> СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЭПОХИ NBIC-ТЕХНОЛОГИЙ	48

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Архангельская Н.О.</i> ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В РОССИИ: Т.Н. ГРАНОВСКИЙ И П.Н. КУДРЯВЦЕВ	55
<i>Батурина И.В.</i> ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КРАТКИЙ ОЧЕРК ОСНОВНЫХ ИДЕЙ	65

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Мурейко Л.В.</i> ТОПОС: К ТЕОРИИ МАСС-МЕДИА	74
<i>Сичинава О.М.</i> ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	85

CONTENTS

SECTION I. SOCIAL PHILOSOPHY

<i>O. Volodina.</i> NOOSPHERAL TARGETS OF SPIRITUALITY	6
<i>G. Gogiberidze, M. Karmova.</i> THE ROLE AND IMPORTANCE OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN MODERN RUSSIAN SOCIAL AND CULTURAL REALITY	15
<i>O. Dzhigan.</i> MODERN CONCEPTS OF THE WORLDVIEW CONSTRUCTION IN HUMAN CONSCIOUSNESS AND SCIENCE.....	22
<i>A. Kirjushin.</i> THE NATURE OF GAME AND GAMIFICATION IN MODERN SOCIAL PRACTICE.....	29
<i>N. Mikhalkin.</i> SOCIALISM AS A DEFINITE STEP AND QUALITATIVELY NEW LEVEL OF SOCIO-HISTORICAL DEVELOPMENT	38
<i>A. Soshnina.</i> SOCIAL RELATIONS AND THE FORMATION OF NBIC-TECHNOLOGY ERA	48

SECTION II. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>N. Arkhangelskaja.</i> FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF RELIGION IN RUSSIA: T.N. GRANOVSKIY AND P.N. KUDRYAVTSEV	55
<i>I. Baturina.</i> THE PHENOMENON OF CREATIVENESS AS A SUBJECT OF EUROPEAN PHILOSOPHY: A BRIEF REVIEW OF THE BASIC IDEAS	65

SECTION III. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>L. Mureyko.</i> TOPOS: TOWARDS THE THEORY OF MASS MEDIA	74
<i>O. Sichinava.</i> ETHNOLINGUISTIC FACTOR IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE NORTH CAUCASUS	85

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.334.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-6-14

НООСФЕРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДУХОВНОСТИ

Володина О.В.

*Петрозаводский государственный университет, Институт иностранных языков
185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье обозначены причины глобальной экологической катастрофы в условиях рыночно-капиталистической формы бытия. Кризис духовности современного мира обусловлен отсутствием смысла жизни и идеала будущего, определяющего ориентиры жизнедеятельности человека. Духовной целью современной цивилизации является становление ноосферного общества, обеспечивающего социоприродную эволюцию и гармонию. Ноосферный человек как результат и смысл развития Биосферы несёт ответственность космопланетарного масштаба за будущее Земли. Базовым основанием ноосферного разума выступает единство нравственности и духовности.

Ключевые слова: кризис, смысл жизни, ноосферизм, духовность, ноосферный человек, разум.

NOOSPHERAL TARGETS OF SPIRITUALITY

O. Volodina

*Petrozavodsk State University, Institute of Foreign Languages, Department of English
33, Lenin avenue, Petrozavodsk, the Republic of Karelia, 185910, Russian Federation*

Abstract. The article uncovers the reasons for the global environmental catastrophe in the circumstances of the market-capitalist forms of being. The crisis of spirituality of the modern world is caused by the absence of the meaning of life and the ideal of the future that determine the targets of human life. The spiritual purpose of the modern civilization is defined as the establishment of the noospheral society that provides the evolution and harmony of society and nature. The noospheral man as the result and sense of the Biosphere has a cosmo-planetary responsibility for the future of the Earth. The underlying foundation of the noospheral intelligence is the unity of ethics and spirituality.

© Володина О.В., 2016.

Key words: crisis, the meaning of life, noospherism, spirituality, noospheral man, intelligence.

Констатируемая Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы [10–15], порожденная человечеством в конце XX – начале XXI вв., характеризуется экологическим, экономическим и цивилизационным кризисом современного общества, а также возможности дальнейшего существования по причине рыночно-капиталистического либерализма и конкуренции как основных принципов и механизмов развития в представлении всей буржуазной идеологической мысли. Стремление к сверхприбыли и, соответственно, чрезмерным тратам, удовлетворению потребностей и наслаждению, несмотря на неадекватные экологические последствия рыночно-капиталистической конкуренции, стало провоцирующим фактором глобального информационного и духовного кризиса. «Эра разобщенного мира» [6] как время первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, обусловлена сущностью рыночно-капиталистического человека, антиразумом, отражающимся в индивидуализме, эгоизме, прагматизме, доминировании краткосрочных личных интересов. Превалирующим принципом рыночно-капиталистического бытия человека-потребителя, стремящегося к выгоде, успеху и победе в конкурентном противостоянии, является установка «человек человеку – волк». Социальная и личностная капитализация не приемлет нравственности и духовности в борьбе эгоистических интересов за прибыль и ведет к капиталократии моральных устоев.

Основной причиной экологического кризиса в ситуации сложившейся

в настоящее время рыночно-капиталистической формы бытия является кризис духовности современной цивилизации, характеризующийся внутренней пустотой и отсутствием смысла жизни [4], а также существование без великой духовной цели и отсутствие идеала «светлого будущего». Под последним имеется ввиду отсутствие определенных ориентиров в жизнедеятельности людей, устремления к совершенствованию и гармонии, к творчеству и созиданию ради единства и согласия природы и человека. Всё это в совокупности приближает человечество к самоуничтожению как последствию крайней фазы кризиса.

Духовность зарождается в поиске ответа на вопрос о смысле жизни, широкомасштабный выход на который обеспечивают следующие факторы: понимание ответственного долга перед каждым близким и незнакомым человеком, перед сущим и Универсумом за свои мысли, слова, поступки; обращенность к разуму и сознанию, стремление к возвышению; раскрытие предназначения разума человека для созидания и творчества; освоение ближних и дальних стратегий развития человека, в том числе космической роли человеческого разума. К.Э. Циолковский определяет смысл жизни через разум, т. к. «разум есть то, что ведёт к вечному благосостоянию каждого атома» [17]. С точки зрения И.А. Гундарова, духовность как целенаправленная устремленность сознания на понимание места человека и смысла его жизни, выявление оценочных мерил добра и зла для событий, людей и ориентиров деятельности – это «сама жизнь», путь к «счастью и соци-

альному совершенствованию», к социальной гармонии для всех и каждого [5]. В.С. Соловьев видит смысл жизни в стремлении к совершенному обществу, где люди одушевлены альтруистическими взглядами в солидарном единстве, без принуждения и наставления работают для всеобщего блага; порядок жизнеустройства такого идеального общества является порядком «свободной синергии» [9]. С.Н. Булгаков определяет смысл жизни как ответственность, потому что ответственный поступок связан с целостностью мира, в котором протекает жизнь; только изнутри ответственного поступка, как «метафизического коммунизма мироздания», совершается выход в единство бытия, т.е. понимание предмета через осмысление долженствования человека по отношению к данному предмету, а также понимание того, что предмет и человек объединены ответственной соучастностью в единственном бытии-событии [2]. А.И. Субетто «великой духовной целью» называет становление ноосферного общества, как общества, обеспечивающего социоприродную (социо-биосферную) эволюцию и гармонию [10]. Смысл жизни философии развивающейся гармонии В.Н. Сагатовского соотносится с идеалом русской идеи, стремлением к «созидательной любви» к миру как Дому и Саду без крайних проявлений как иллюзорных нереальных фантазий, так и одержимости «похотью власти»; это идеология оптимума, предполагающая гармоничное соразвитие и сотворчество природы, личности и общества [8].

«Глобалистика», как «наука о современном мире» [16], обосновывает пугающее аксиоматическое положение о predetermined и неизбежном

трагическом финале человеческой цивилизации. Это связано с тем, что Биосфера, породившая человечество, способна извлечь себя от антропогенного компонента как болезненного фактора, вредоносного и разрушительного носителя вируса с целью дальнейшего эволюционного развития. Данная пессимистичная перспектива отсутствия будущего у человеческой цивилизации объясняется постулативным утверждением о том, что в космическом пространстве самооберегающие иммунные механизмы защиты Биосферы уничтожают любые неуправляемые, стихийно развивающиеся цивилизации ещё на ранней стадии их развития, если эти цивилизации обуреваемы неистовой и бессмысленной внутренней борьбой и способны нанести вред Биосфере.

Рефлексия в контексте указанных прогнозов, связанная с поиском механизмов защиты, сохранения и дальнейшего развития человеческой цивилизации, резюмируется убежденностью в необходимости эколого-ноосферного восстановления принципов соборности (общинности, коллективизма) и ответственности каждого человека в становлении развивающейся гармонии (ноосферы будущего), как «Общего Дела» человечества. Это требует изменения качества самого человека, качества его ценностей и мировоззрения, а также качества общества в процессе и результате перехода от рыночно-капиталистической к социоприродной и ноосферно-духовной формации бытия. Альтернативой современному состоянию цивилизации является «Эра встретившихся рук», основанная на доминировании законов не конкуренции, а кооперации.

Настоящее время – это этап испытания цивилизации на разумность и человечность с надеждой на возможность дальнейшего существования человека на Земле. В случае непринятия и неосуществления стратегических решений цивилизацию ожидает реализация предупреждения, когда «мыслящая жизнь в диком заблуждении убила себя и всё живое, едва прикоснувшись к мощи атома и космоса» [6, с. 7].

Развитие концептуальных идей В.И. Вернадского [3] о ноосфере стало основой формирования Российской Ноосферной научной школы и становления ноосферизма, как научно-мировоззренческой системы, согласно которой человеческий разум, общественный интеллект и коллективный разум человечества рассматриваются гомеостатическими суперорганизаторами регулирования, управления и гармонизации Биосферы, важнейшими механизмами и балансирами становления ноосферы как нового этапа эволюции Биосферы, где человек раскрывается в новом качестве ноосферной духовности. Ноосферизм представляют, как синтез Единой Ноосферной науки в контексте ноосферной парадигмы духовно-нравственной системы [10].

Процесс духовно-ноосферного переворота соотносится с предопределяющими положениями ноосферной парадигмы универсального эволюционизма, дающими обоснования закономерных, а не случайных причин порождения Вселенной и дальнейшего возникновения Человеческого разума на Земле согласно установленному порядку «оразумления» эволюции. Универсальный эволюционизм ноосферной парадигмы заключается в том, что

эволюционный конус, т. е. рост сложности систем, происходит в результате изменения направленности метазакон сдвига от Закона Конкуренции к Закону Кооперации, а также смены механизма осуществления сдвига – вместо отбора используется интеллект, что в дальнейшем ведёт к реализации метазакон «оразумления» или интеллектуализации, как механизма прогрессивно-развивающейся космологической эволюции. Конус прогрессивной эволюции общества определяется законом роста идеальной детерминации в истории человечества через общественный интеллект и соответствует установкам метазакон «оразумления». Рубеж XX–XXI вв. – это время великого эволюционного перелома в точке социально-эволюционной бифуркации, заключающегося в мегасдвиге от закон конкуренции социальной эволюции рыночно-капиталистической формы бытия, ставшей причиной первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, к социальной эволюции на базе доминирования закон кооперации. Состояние цивилизации современного мира представляет этап перерождения человека с «Разумом-для-Себя» в человека с «Разумом-для-Биосферы, Земли, Космоса», эпоху рождения подлинного разума и подлинного человечества, отказа человечества из «автономного» пребывания и безучастного отношения к Природе исключительно как источнику ресурсов и выход на уровень социоприродной-ноосферной эволюции.

Духовность в контексте ноосферной парадигмы – это целостная духовно-нравственная система, сосредоточенная на человеке, как результате и смыс-

ле развития Биосферы, обладающем ответственностью космопланетарного масштаба за будущее Земли; духовность определяет развивающуюся гармонию человека, его цели и потребности, мечты и желания, интересы и смысл жизни [7]. «Ноосфера Будущего», любовь, альтруизм, гармония, созидание и творчество выдвигаются законами жизни и символами духовной ноосферной революции. Правда, представленная единством истины, справедливости, красоты и добра, отображает целостность должного, желаемого и сущего, связь духовности, нравственности, знания и профессионализма. Ноосферная парадигма духовности выступает как ориентир будущего развития человечества, а также как механизм корректирования имеющихся патологий современного общества, обусловленных отсутствием «великой духовной цели» и, следовательно, бессмысленностью существования.

Ноосферная нравственность отводит интеллекту ключевую роль в системе нравственных регуляторов, т. к. «без-интеллектуальная нравственность безнравственна» и «безнравственный интеллект безинтеллектуален». [10, с. 46]. Необразованность, дилетантство, невежество, погрешности и неудачи из-за непрофессионализма и некомпетентности выступают первичными категориями нравственного порицания так же, как и интеллект, не соотносящийся с этическими категориями – с добром как основополагающей ценностью в глубоком и широкомасштабном понимании, ориентацией на социальную справедливость, с гуманизмом, стремлением раскрыть человеческое в человеке, устремленности к социоприродной гармонии с целью сохранения

и дальнейшего развития цивилизации. Безнравственный интеллект, не опирающийся на внутренние начала добра, не способен обеспечить адаптацию человека в изменяющихся условиях, не выполняет предписанную ему родовую функцию регулирования и управления предстоящим. Духовность и нравственность, определяющиеся знаниями и нетерпимостью к невежеству, противостоят космопланетарному инфантилизму и функциональной безграмотности как одним из оснований первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Идеал ноосферного человека, по Б.Т. Малышеву, определяется как человек-гармонизатор [10], универсально развитый, «очеловеченный» человек, уполномоченный выполнять ответственную роль со-творца наравне с природой. Идеал общества, как пространство, создающее условия для всестороннего выявления творческих способностей человека, гармоничного развития и осуществления его созидательного потенциала, характеризуется социально-экономической справедливостью и равенством. Ноосферный идеал, как ориентирующая цель бытия ноосферного человека, исходит из понимания истины [1], охватывающей взаимозависимость желаемого и должного и, соответственно, определяющей интересы и потребности человека. Истина, опирающаяся на принятие наличествующего, как первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, и должного, выдвигаемого как идеал развивающейся гармонии в понимании Дома как Храма в мировом Саду, ноосферизма и ноосферной эволюции человечества, заключается в том, что а) формирование идеала

картины должного мира основывается на имеющемся существующем с целью определения различий желаемого от уже имеющегося; б) воплощение в жизнь идеала картины должного опирается на реальные проявления действительности, при этом главным направляющим и определяющим фактором осуществления идеала является целостная система ценностей, где в приоритете выступают культурные ценности данного общества.

Краткое изложение главных концептуальных идей и принципов, ключевых понятий, критериев и требований к духовно-нравственной составляющей человека в контексте ноосферной парадигмы духовности, представленное в «Доктрине духовно-нравственной системы ноосферного человека и ноосферного образования» А.И. Субетто [10], резюмируется в следующих тезисах:

– Разум понимается как вся реальность, возведенная в истину, т. е. мир есть разум, а разум есть мир. «Разум есть дух» (Гегель), а дух, как высшая идея сосредоточивает смысл человеческой жизни и предназначение человеческого интеллекта.

– Базовым основанием ноосферного разума выступает единство нравственности и духовности.

– Любовь человека, его ответственность и добро по отношению ко всему разумному и живому на Земле и в Космосе, как главный смысл жизни, отражают стадию возвышения человека благодаря ноосферной духовности.

– Нравственный интеллект способствует динамическому становлению социоприродной-ноосферной гармонии при условии единения интеллекта и нравственности с целью

разумного устройства и регулирования отношений природы и человека при соблюдении меры, отвергающей необразованность и безрассудство, стремление к сверхприбыли и сверхпотребительству.

– Принцип единства Истины, Добра и Красоты ноосферной парадигмы духовности выступает основанием становления онтологической правды бытия ноосферного человека, «космобио-антропо-социо-ноосферной» онтологии универсального человека (В.Г. Комаров). Онтологическая правда обличает онтологическую ложь, которая «делает бывшее небывшим, небывшее облекает в призрачное бытие на пагубу всем живым существам» (Л.Н. Гумилев).

– Главной формой управления, используемой человеком-гармонителем в контексте социо-природной ноосферной эволюции цивилизации, является творчество, понимаемое как основа гармонии и оцениваемое по канонам красоты и добра. Креативное бытие человека отражает его сущностное бытие, порожденное эволюцией Природы-Пантакреатора, самотворящей природы.

– Согласно Живой Этике ноосферной парадигмы духовности, основывающейся на тезисах меморандума Вернадского-Чижевского о презумпции всеоживленности сущности Космоса в связи с тем, что Космос наполнен разумно-живой субстанцией, живой человек соучаствует и взаимодействует с живым Космосом, выступая его неотъемлемой частью.

– Антропный принцип эволюционного развития ноосферной духовно-нравственной системы обосновывает утвержденное положение «оразумле-

ния» прогрессивной космической эволюции (К.Э. Циолковский), т. к. изначально человеческий разум зародился, как разум Биосферного и планетарно-Земного уровня, но в дальнейшем, проходя космическое становление, приобрел силу разума космического.

Итак, оптимистичным жизнеутверждающим решением сложившегося глобального экологического, экономического и цивилизационного кризиса как императивом выживания человечества, является духовно-ноосферная революция при условии кардинального сущностного преобразования качества человека и качества общества в контексте управляемой со-

циоприродной-ноосферной эволюции, направленной на становление развивающейся гармонии, как соразвития человека, природы и общества. Качество ноосферного человека соотносится с универсальностью ноосферной духовности, проявляющейся в том, что сущностное изменение человека отражает интенции гомоморфности человека всему Универсуму, а также с оптимистичностью, раскрывающейся в содействии становлению гармоничного бытия человека и его соучастия в организации земной и космической жизни при главной управляющей роли интеллекта космо-ноосферно-гармонизирующего масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический синтез. СПб: Политехника, 2004. 395 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйств. М.: Наука, 1989. 299 с.
3. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. 520 с.
4. Гор А. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух / пер. с англ. М.: ППП, 1993. 404 с.
5. Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Центр творчества «Беловодье», 2001. 352 с.
6. Ефремов И.А. Час быка. Петрозаводск: Карелия, 1991. 430 с.
7. Пуляев В.Т. Человек и общество – вечная проблема бытия и познания. СПб.: Знание, 2003. 72 с.
8. Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб.: ТООТК «Петрополис», 1994. 217 с.
9. Соловьев В.С. Из философии истории // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1914. Т. 6. С. 340–360.
10. Субетто А.И. Доктрина духовно-нравственной системы ноосферного человека и образования. СПб.: Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 100 с.
11. Субетто А.И. Капиталлократия и глобальный империализм: антология. СПб.: Астерион, 2009. 572 с.
12. Субетто А.И. Меморандум Новой – Космо-Ноосферной парадигмы духовности человечества в XXI веке [Электронный ресурс]. URL: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2013/4/1171.pdf> (дата обращения: 22.05.2016 г.).
13. Субетто А.И. Ноосферная парадигма духовности – исправление патологии общества начала XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://noocivil.esrae.ru/234-1215> (дата обращения: 22.05.2016 г.).

14. Субетто А.И. Ноосферное образование как механизм ноосферной человеческой революции в XXI веке и прорыва человечества к космоноосферной парадигме будущей истории // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 177–181.
15. Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке [Электронный ресурс]. URL: http://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/1_5.pdf (дата обращения: 22.05.2016 г.).
16. Федотов А.П. Глобалистика: начала науки о современном мире: курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 224 с.
17. Циолковский К.Э. Мониизм Вселенной // Грезы о земле и небе. Тула, 1986. 270 с.

REFERENCES:

1. Branskii V.P., Pozharskii S.D. Globalizatsiya i sinergeticheskii sintez [Globalization and synergetic synthesis]. SPb., Politekhnik, 2004. 395 p.
2. Bulgakov S.N. Filosofiya khozyaistv [The philosophy of the farms]. M., Nauka, 1989. 299 p.
3. Vernadskii V.I. Filosofskie mysli naturalista [Philosophical thoughts of a naturalist]. M., 1988. 520 p.
4. Gor A. Zemlya na chashe vesov. Ekologiya i chelovecheskii dukh / Per. s angl. [Earth in the balance. Ecology and the human spirit / Per. from English]. M., PPP, 1993. 404 p.
5. Gundarov I.A. Probuzhdenie: puti preodoleniya demograficheskoi katastrofy v Rossii [Wake-up: overcoming the demographic catastrophe in Russia]. M., Tsentr tvorchestva «Belovode», 2001. 352 p.
6. Efremov I.A. Chas byka. Nauchno-fantasticheskii roman [The hour of the ox. A science fiction novel]. Petrozavodsk, Kareliya, 1991. 430 p.
7. Pulyaev V.T. Chelovek i obshchestvo – vechnaya problema bytiya i poznaniya [Man and society. – the eternal problem of existence and knowledge]. SPb., Znanie, 2003. 72 p.
8. Sagatovskii V.N. Russkaya ideya: prodolzhim li prervannyi put' [The Russian idea: whether we will continue the interrupted way?]. SPb., TOOTK «Petropolis», 1994. 217 p.
9. Solov'ev V.S. Iz filosofii istorii [From the philosophy of history] Cobranie sochinenii: Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. 6 [Works: Vladimir Sergeyevich Solovyov. Vol. 6]. 2nd edition. SPb., Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914. pp. 340-360.
10. Subetto A.I. Doktrina dukhovno-nravstvennoi sistemy noosfernogo cheloveka i obrazovaniya. [Doctrine of spiritual and moral system of man and noosphere education. SPb., Kostroma: KSU. N. And]. SPb., Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasov, 2008. 100 p.
11. Subetto A.I. Kapitallokratiya i global'nyi imperalizm: antologiya [Capitalocracy and global imperialism: the anthology]. SPb., Asterion, 2009. 572 p.
12. Subetto A.I. Memorandum Novoi – Kosmo-Noosfernoi paradigmy dukhovnosti chelovechestva v XXI veke [Elektronnyi resurs] [Memorandum New – Cosmo-Noospheric paradigm of spirituality of mankind in the XXI century [Electronic source]]. URL: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2013/4/1171.pdf> (request date 22.05.2016 g).
13. Subetto A.I. Noosfernaya paradigma dukhovnosti – ispravlenie patologii obshchestva nachala XXI veka [Elektronnyi resurs] [Noospheric paradigm of spirituality, the correction of the pathology of the society in the early XXI century [Electronic source]]. URL: <http://noocivil.esrae.ru/234-1215> (request date 22.05.2016 g).
14. Subetto A.I. Noosfernoe obrazovanie kak mekhanizm noosfernoi chelovecheskoi revolyutsii v XXI veke i proryva chelovechestva k kosmonoosfernoi paradigme budushchei istorii [Noospheric education as the mechanism of noospheric human revolution in the XXI century and mankind break to kosmonastery paradigm of the future history] // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2012. no. 2. pp. 177–181.

15. Subetto A.I. Noosfernyi proryv Rossii v budushchee v XXI veke [Elektronnyi resurs] [Noospheric breakthrough of Russia to the future in the twenty-first century [Electronic source]]. URL: http://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/1_5.pdf (request date 22.05.2016 g).
16. Fedotov A.P. Globalistika: nachala nauki o sovremennom mire. Kurs lektsii. Izd. vtor. i dopoln [Global studies: the beginning of science on the modern world. A course of lectures. Ed. Second and more]. M., Aspekt Press, 2002. 224 p.
17. Tsiolkovskii K.E. Monizm Vselennoi // Grezy o zemle i nebe [The monism of the Universe // Dreams of earth and sky]. Tula, 1986. 270 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володина Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Института иностранных языков Петрозаводского государственного университета;
e-mail: volodina@petsru.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Volodina – Ph.D. in Pedagogics, Associate Professor at the Department of the English Language, Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk State University;
e-mail: volodina@petsru.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Володина О.В. Ноосферные ориентиры духовности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 6-14.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-6-14

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Volodina Noospheral Targets of Spirituality // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 4. P. 6-14.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-6-14

УДК 17.021.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-15-21

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Гогиберидзе Г.М.¹, Кармова М.Р.²

¹Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1,
Российская Федерация

²Финансовый Университет при Правительстве РФ
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация. Данное научное сообщение посвящено современному российскому обществу, в котором иноязычная коммуникативная компетенция является ключевым моментом. Рассмотрены основные компоненты иноязычной коммуникативной компетенции и раскрыто её значение в системе ценностей современного российского социума. Затронуты феноменологические особенности языковой компетенции в её аксиологическом аспекте и показан её внутренний дуализм. Выявлена роль иноязычной языковой коммуникативной компетенции в преодолении маргинальности отдельных социальных групп.

Ключевые слова: общество, иноязычный, коммуникативная компетенция, социокультурный, российская реальность.

THE ROLE AND IMPORTANCE OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN MODERN RUSSIAN SOCIAL AND CULTURAL REALITY

G. Gogiberidze¹, M. Karmova²

¹Moscow City Pedagogical University
4/1, 2nd Sel'sk Khozyaistvennyi passage, Moscow, 129226, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation
49, Leningradskii avenue, Moscow, 125167, Russian Federation

Abstract. The paper deals with contemporary Russian society in which the foreign language communicative competence is the key one. The main components of the foreign language communicative competence are analyzed and its meaning in the system of modern Russian social values is revealed. The phenomenological features of language competence in its axiological aspect are studied, its inner dualism being shown. The role of communicative language competence is portrayed in overcoming the marginality of some social groups.

Key words: society, foreign-language, communicative competence, socio-cultural, Russian reality.

Данное научное сообщение выполнено в русле социальной философии и посвящено изучению и описанию социокультурной реальности российского общества, в котором иноязычная коммуникативная компетенция играет немаловажную роль.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что роль и значение иноязычной коммуникативной компетенции возрастает с каждым днем. Определенно существует необходимость описательного процесса в формировании иноязычной коммуникативной компетенции в российском современном обществе, при этом не опуская, но базируясь на социокультурных особенностях Российской Федерации.

Целью данной работы является комплексное описание традиционных и современных форм общества. Цель обусловила постановку следующих **задач**:

- изучить традиционные и современные особенности российского общества;
- рассмотреть ключевую терминологию;
- определить состав коммуникативной компетенции;
- описать основные этапы определения уровня владения иностранным языком;
- выявить сложности слияния традиционного и современного обществ в социокультурном пространстве.

Это научное сообщение характеризуется словами известного американского религиозного деятеля, публициста и оратора Генри Бичера (1813–1887) «Философская мудрость века настоящего становится всеобщим здра-

вым смыслом века последующего»¹. Век двадцатый действительно стал здоровым смыслом двадцать первого. Современная российская социокультурная реальность является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в научном мире. Для начала проведем сопоставительный анализ определенных таких выражений, как «социокультурная реальность» и «коммуникативная компетенция».

Коммуникативная компетенция – компетенция (от лат. *competentia* – согласованность частей, соразмерность, сочетание), описывающая качество и эффективность способности одного человека общаться с другими людьми. Коммуникативную компетенцию Д. Хаймс определил в качестве внутреннего знания ситуационной уместности языка; как способности, позволяющие быть участником речевой деятельности. Следует сказать о том, что Д. Хаймс одним из первых наглядно показал, что владение языком предполагает знание не только грамматики и лексики, но и социальных условий их употребления [2].

Р.Т. Белл определяет **коммуникативную компетенцию** как «знания, умения и навыки, необходимые для понимания чужих и порождения собственных программ речевого поведения, адекватных целям, сферам, ситуациям общения, способность, формируемая во взаимодействии человека с социальной средой, в процессе приобретения им социально-коммуникативного опыта» [1].

Уникальность любого общества проявляется во взаимодействии куль-

¹ Aforizmoﬀ.net [Электронный ресурс]. URL: <http://aforizmoﬀ.net/portal/aff13660> (дата обращения: 08.10.2016).

тур, языков, что является одной из особенностей нашего времени. На сегодняшний день можно с полной уверенностью заявить, что Россия сформировала новое общество, в котором наблюдается внедрение рыночных отношений в разные сферы общественной жизни, заметно освоение ценностей гражданского общества. Однако процесс слияния традиционных ценностей и современных процессов нельзя назвать простым.

Маргинальность выступает одной из составляющих современного российского общества, что является результатом конфликта ценностей. Такое свойство демонстрирует ситуацию в стране, находящейся между старым традиционным и новым обществами. Американский ученый Р. Парк является автором понятия «маргинальность».

Маргинальность – состояние групп людей, поставленных обществом и условиями развития на грань двух культур, социокультурных сред и участвующих в их взаимодействии, но не принадлежащих ни к одной из них [4].

Исходя из вышеприведенного определения, можно сказать, что российское общество в данный момент находится в промежуточном положении между традиционной и новой социокультурной средой. Говоря о последней, стоит подчеркнуть, что к её ценностям ещё предстоит адаптироваться и их освоить. Именно в этой связи появляется столь высокий интерес к изучению иностранных языков и культур для уверенного владения иноязычными коммуникативными компетенциями в современном российском обществе.

Рассматривая социально-философские аспекты процесса овладения

иностранном языком применительно к развитию коммуникативной компетентности (поскольку именно компетентность, а не компетенция будет уже характеризовать не индивида, но субъект социальных отношений в лингвистическом сегменте образовательного пространства), следует выделить значение аксиологической составляющей с интенцией в праксиологическом и тимологическом направлениях. Это необходимо, поскольку для каждой социальной группы при овладении и практическом использовании средств языка в межкультурных коммуникациях в первую очередь важен результат, хотя при дальнейшем развитии такого процесса появляется желание (как индивидуальное, так и применительно к социо-субъекту с коллективным сознанием) совершенствования и выхода на новый уровень. Соответственно, можно говорить об интересных особенностях процесса социокультурного развития при коммуникации с целью преодоления языковой маргинальности. Праксиологическая и тимологическая составляющие в этом случае создают феномен двойного последовательного взаимодействия, поскольку стремление любого маргинала или маргинальной группы преодолеть языковую некомпетентность в случае реализации может как дать толчок к дополнительному развитию, так и заставить его остановиться на достигнутом. Степень кооммутативности, характеризующая рост коммуникативной компетенции, будет определяться конкретикой социальных условий.

На примере определения уровня знаний иностранного языка можно продемонстрировать внедрение мар-

гинальности в нашей стране. Известно, что в российской системе образования знания по любой дисциплине оценивались по пятибалльной шкале, что является традиционным методом. Говоря про новый подход оценивания знаний и способностей по иностранному языку, следует сказать, что в России, как и во многих других странах, используют иную систему, описанную ниже.

Уровни владения иностранным языком.

Элементарное владение:

A1 – понимаю и могу употребить в речи знакомые фразы и выражения, необходимые для выполнения конкретных задач.

A2 – Понимаю отдельные предложения и часто встречающиеся выражения, связанные с основными сферами жизни (например, основные сведения о себе и членах своей семьи, покупках, устройстве на работу и т.п.).

Самостоятельное владение:

B1 – понимаю основные идеи четких сообщений, сделанных на литературном языке на разные темы, типично возникающие на работе, учебе, досуге и т. д.

B2 – понимаю общее содержание сложных текстов на абстрактные и конкретные темы, в том числе узкоспециальных текстов.

C1 – понимаю объемные сложные тексты на различную тематику, распознаю скрытое значение.

C2 – понимаю практически любое устное или письменное сообщение, могу составить связный текст, опираясь на несколько устных и письменных источников [3].

Однако не стоит забывать про языковые барьеры, являющиеся препят-

ствием при реализации межкультурной коммуникативной компетенции. К ним можно отнести такие лингвистические барьеры, как речевой барьер, языковая доминанта, понимание, мимика, жесты, психологические и этнокультурные барьеры, национальная когнитивная картина мира. Следует отметить, что некоторые из перечисленных аспектов являются непреодолимыми (например, национальная картина мира) в силу врожденной природы. Другие же (например психологические и этнокультурные барьеры) можно отнести к преодолемым при совершенствовании системы преподавания иностранных языков и культур, при полном устранении привычек, мнительности и недоверия, при эффективной разработанности методов преодоления психологической нагрузки.

Развитие иноязычной коммуникативной компетенции является одной из основных целей при изучении иностранного языка, согласно ФГОС ОО. Состав компетенции показан ниже.

Коммуникативная компетенция:

- речевая компетенция;
- языковая компетенция;
- лингвистическая компетенция;
- социокультурная компетенция.

Рассмотрим каждый вид компетенции.

Для постулирования сущности игры и её дефинирования в рамках социальных практик необходимо подвергнуть анализу имеющиеся точки зрения и существующие определения, которые в своём содержании отражают как её номинальные, так и реальные стороны.

Речевой компетенцией можно обозначить свободное практическое вла-

дение речью на данном языке, умение говорить правильно, бегло и динамично как в диалоге, так и в монологе, хорошо понимать слышимую и читаемую речь и умение производить и понимать речь в любом функциональном стиле.

Языковую компетенцию можно рассматривать как базисный компонент коммуникативной компетенции, предполагающий знание категорий и единиц языка всех уровней (фонетического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического и текстового) и их функций.

Социокультурная компетенция предполагает знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры, а также способов пользования этими знаниями в процессе общения.

Лингвистическую компетенцию следует описать как «способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения, актуальных для языка той или иной специальности» [5, с. 56].

Помимо основных видов необходимо отметить компоненты коммуникативной компетенции. В этот список можно включить такие основные виды как:

- владение лексикой;
- развитие как устной, так и письменной речи;
- способность к соблюдению этики общения;
- управление тактиками коммуникаций;

– ознакомление с культурными и традиционными особенностями общества, с которыми необходимо соприкасаться в общении;

– способность управлять интонацией, жестикულიцией;

– проявление неконфликтности, доброжелательности;

– использование ораторского искусства;

– использование практики организатора деловых встреч, переговоров, конференций.

Завершая это научное сообщение, отметим, что с Россией, несомненно, ассоциируется масштабность. На сегодняшний день Российская Федерация имеет большие возможности для ведения активной внешней политики. Стоит также подчеркнуть то, что она сохраняет за собой место постоянного члена Совета Безопасности ООН, обладает мощным ядерным потенциалом, имеет самую большую территорию со значительными природными богатствами, образованное население. Наша страна занимает центральную позицию на карте мира. Через Россию идут самые удобные пути, соединяющие страны Западной Европы и Тихоокеанского региона. Поэтому Россия призвана сыграть роль связующего звена между Западом и Востоком. Следовательно, внедрение иноязычной коммуникативной компетенции является неотъемлемой и одной из самых важных частей в современном российском социокультурном пространстве.

Слияние традиционных особенностей с новым веянием является российской реальностью на сегодняшний день. Невозможно однозначно сказать, что Россия полностью отошла от традиций и использует лишь современ-

ные методы коммуникативной компетенции. С нашей точки зрения, лишь установление баланса между вышеперечисленными явлениями может при-

вести общество к прогрессу, к укреплению международных отношений на мировой арене. Ведь, только ценя прошлое, можно построить будущее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белл Р.Т. Социоллингвистика: цели, методы, проблемы / под ред. А.Д. Швейцера. М.: Международные отношения, 1980. 50 с.
2. Гез Н.И., Фролова Г.М. История зарубежной методики преподавания иностранных языков. М.: Академия, 2008. 256 с.
3. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К.М. Ирисхановой. М.: Изд-во МГЛУ, 2003. 212 с.
4. Силласте Г.Г. Экономическая социология: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2013. 480 с.
5. Изаренков Д.Б. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 54–60.

REFERENCES:

1. Bell R.T. Sociolinguistics: Goals, methods, and problems / under the editorship of A.D. Schweitzer. M., Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 50 p.
2. Gez N.I., Frolova G.M. Istoriya zarubezhnoi metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov [The history of foreign language teaching methodology]. M., Akademiya, 2008. 256 p.
3. Obshcheevropeiskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: izuchenie, prepodavanie, otsenka / Departament sovremennykh yazykov Direktorata po obrazovaniyu, kul'ture i sportu Soveta Evropy; Perevod vpolnen na kafedre stilistiki angliiskogo yazyka MGLU pod obshch. red. prof. K.M. Iriskhanovoi [Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment / Department of modern languages Directorate on education, culture and sport of the Council of Europe; the Translation is done at the Department of stylistics of English language the DARKNESS under the General editorship of Professor K.M. Iriskhanova]. M., Izd-vo MGLU, 2003. 212 p.
4. Sillaste G.G. Ekonomicheskaya sotsiologiya: uchebnoe posobie / G.G. Sillaste. 2-e izd., pererab. i dop [Economic sociology: textbook / G. G. Sillaste. 2-e Izd., Rev. and DOP]. M.: Alpha-M, INFRA-M, 2013. 480 p.
5. Izarenkov D.B. Bазisnye sostavlyayushchie kommunikativnoi kompetentsii i ikh formirovanie na prodvinutom etape obucheniya studentov-nefilologov [The basic components of communicative competence and their formation is at an advanced stage of training technical students at] // Russkii yazyk za rubezhom. 1990. no. 4. pp. 54-60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гогиберидзе Георгий Меджидович – доктор педагогических наук, профессор Московского городского педагогического университета;
e-mail: giya28@mail.ru

Кармова Марьяна Ризоновна – старший преподаватель департамента языковой подготовки Финансового университета при правительстве Российской Федерации;
e-mail: a-b-a-z-a@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

G. Gogiberidze Doctor of Pedagogics, Professor at Moscow City Pedagogical University;
e-mail: giya28@mail.ru

M. Karmova Senior Lecturer at the Department of Language Training of the Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: a-b-a-z-a@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Гогиберидзе Г.М., Кармова М.Р. Роль и значение иноязычной коммуникативной компетенции в современной российской социокультурной реальности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 15-21

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-15-21

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

G. Gogiberidze, M. Karmova The Role and Importance of Foreign Language Communicative Competence in Modern Russian Social and Cultural Reality // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy 2016. № 4. P. 15-21.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-15-21

УДК 141.201

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-22-28

КАРТИНА МИРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ

Джиган О.В.*Национальный исследовательский университет «МИЭТ»**124498, г. Москва, г. Зеленоград, площадь Шокина, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются современные представления о конструировании картины мира как в сознании человека, так и в науке в целом. Исследуя конструктивистский подход в теории познания, автор приходит к выводу, что научная рациональность на современном этапе развития науки построена на единой научной картине мира, являющейся междисциплинарным конструктом. На примере социально-конструктивистского подхода к определению социальной картины мира описан современный процесс конструирования картины мира в сознании человека. В статье обосновывается, что каждая специальная научная картина мира является в свою очередь специальной языковой картиной мира, поскольку описывается специфическими языковыми средствами, так как в ней используется понятие образа в качестве ментального лингвистического конструкта языковой картины мира. Автор приходит к выводу, что центром социальной картины мира является творческая коммуникативная личность, конструирующая и одновременно конструируемая социальной реальностью в процессе своего познания.

Ключевые слова: конструктивизм, научная картина мира, междисциплинарность, социальная картина мира, социальный конструктивизм, языковая картина мира, образ.

MODERN CONCEPTS OF THE WORLDVIEW CONSTRUCTION IN HUMAN CONSCIOUSNESS AND SCIENCE

O. Dzhigan*National Research University of Electronic Technology**1, Shokin Square, Zelenograd, Moscow, 124498, Russian Federation*

Abstract. The paper describes and analyzes modern concepts of the worldview construction both in human consciousness and science in general. Investigating the constructivist approach in epistemology, the author concludes that the scientific rationality at the present stage of science development is built on a united scientific worldview which is an interdisciplinary construct. The article describes in detail the conception of an interdisciplinary that stands out as special kind of social technology of scientific research and at the same time creates certain pieces of social ontology, which promotes the formation of new organization forms of scientific knowledge. By the example of the socio-constructivist approach to the definition of the social worldview, the author describes the modern process of constructing a worldview in human consciousness. The author believes that each special scientific worldview is in turn a special language worldview, because it is described by the specific language means. The article studies the conception of a

mental linguistic construct of the language worldview. The author concludes that in the center of the social worldview is the creative communicative personality that constructs and at the same time is under construction of social reality in the process of its cognition.

Key words: constructivism, scientific worldview, scientific rationality, interdisciplinarity, social worldview, social constructivism, language worldview, conception.

В теории конструктивизма процесс получения достоверного знания является исторически сформированным в научном сообществе комплексом взаимосвязанных идеалов и регулятивных принципов, в основе которых лежит производство и трансляция знаний. Согласно методу поискового мышления, вопрос, на который нет ответа у субъекта, и ответ, который невозможно получить как непосредственно из памяти, так и посредством прямого наблюдения или с помощью справочников, энциклопедий или специалистов, выступает в качестве объекта процесса познания. Так, в процессе рассуждений субъект формирует предметную область, представляющую неширокий круг явлений, непосредственно относящихся к поиску ответа на значимый для познания вопрос.

Научная картина мира выступает в качестве эпистемологического конструкта, осуществляющего рациональную объективацию как теоретических, так и эмпирических знаний. Однако любая научная картина мира, в том числе и естественнонаучная, является лишь моделью, схематическим образом исследуемой реальности, обеспечивающим изучение процессов только в определённых рамках. Таким образом, онтологизация конструктов научной картины мира, способствующих рациональному осуществлению познавательной деятельности на конкретном этапе развития науки, осуществляется лишь в определённых

границах, при выходе за которые обнаруживается несостоятельность этих представлений.

Сосуществование и взаимодействие научных картин мира делают актуальной их роль в качестве методологического инструмента, формирующего целостное видение сущего. Так, идеи синергетики о необратимости, вариабельности в процессе принятия решений, многообразии линий развития при прохождении системы через точки бифуркации становятся значимыми в развитии гуманитарных наук. Следовательно, наблюдается синтезирующая функция научных картин мира. Концепция научной рациональности на сегодняшний день базируется на единой научной картине мира, являющейся междисциплинарным конструктом.

Междисциплинарность представляет собой особого рода социальную технологию научных исследований, которая одновременно проектирует определённые фрагменты социальной онтологии; она представляет собой диахронный и эмерджентный момент, характеризующийся выраженной динамикой, способствующей формированию новых форм организации научного знания. Междисциплинарность – это «взаимодействие таких единиц знания, как дисциплина (знание, направленное на изучение конкретной области действительности <>, предполагает отношение к возникшим проблемам в той или иной науке, ре-

шение которых облегчается или даже делается возможным только с помощью средств, выработанных в другой области знания» [5, с. 32]. В качестве междисциплинарных взаимодействий рассматриваются взаимоотношения научных дисциплин, при которых результаты, полученные в одной области знания, способны выступать предпосылками к возникновению нового знания в другой дисциплине.

Междисциплинарный синтез в современной науке и преодоление границ между естественнонаучным и социально-гуманитарным знанием онтологически обосновываются вовлечением науки в область исследования объектов, имеющих системную, эволюционную природу. Целостные комплексы, включающие в себя человека как неотъемлемый компонент, всё чаще становятся предметом научного исследования, в отличие от изолированно исследуемых ранее отдельных частей целого. Такими человекообразными объектами являются комплексы «человек – машина», «человек – машина – производственная среда», «человек – биосфера», объекты генной инженерии, медико-биологические объекты.

Процесс междисциплинарного синтеза научного знания в настоящее время постепенно привёл к утрате традиционного противопоставления естественных и гуманитарных наук, способствуя формированию тесной взаимосвязи между ними, основанной на возникающем продуктивном обмене понятиями, идеями и принципами. Ввиду новой ситуации в последней трети XX в. появляются «синтетические» научные направления, поскольку в методологических исследованиях

происходит осознание некорректности исключения этических и ценностных факторов из научных положений, подвергавших критике нейтральную природу научного знания, господствующую в культуре науки длительное время. Междисциплинарность современной науки воплощается в общенаучной картине мира, олицетворяющей мировоззренческий статус науки, который сегодня направлен на поиск стратегий по выживанию людей в условиях кризиса техногенной цивилизации и по заданию последующих путей её развития.

Процесс конструирования картины мира в сознании человека можно рассмотреть на примере «социальной картины мира», затрагивающей современные проблемы междисциплинарности и социальных технологий. Она несёт в себе определённый потенциал, позволяющий по-другому оценить междисциплинарную роль философии в социально-гуманитарном познании. «Обыденный опыт, повседневное сознание, естественный язык являются неизбежными компонентами социальной картины мира» [3, с. 23].

Сегодня под социальной картиной мира подразумевается понятие, характеризующее системный взгляд на общество, или же она рассматривается в качестве части общенаучной картины мира. Согласно подходу на примере разработок В.С. Стёпина, под социальной картиной мира понимается особая форма теоретического знания, выступающего в качестве отдельного аспекта общенаучной картины мира. С помощью неё осуществляется систематизация знаний, полученных в различных социально-гуманитарных науках, и обеспечивается их включе-

ние в поток культурной трансляции; она выступает в качестве исследовательской программы, с помощью которой осуществляется постановка научных проблем и выбираются средства для их решения [8, с. 143].

Социальная картина мира предполагает осознанный и целенаправленный взгляд на социальную реальность, согласно которому люди выступают в качестве объекта анализа и исследования. Она формируется на основе мировоззренческих установок, являющихся неотъемлемой частью любого человека, становясь средством познания глубинной основы сознания – мировоззрения личности. Сегодня человек не просто отражает окружающий мир и созерцает природу со стороны, выступая как незаинтересованный наблюдатель, он является участником создания мира, конструктором социальной реальности. Знания о мире и обществе становятся особой формой реальности, конструируемой человеком в процессе познания, социальной жизни и коммуникации, что говорит о субъективном характере социальной картины мира. Согласно О.И. Матяш, процесс коммуникации является процессом, в котором происходит конструирование не только своей социальной реальности или реальностей, но и собственного Я [6]. Социальная картина мира является продуктом творчества нескольких социальных субъектов, каждый из которых вносит свой вклад в конструирование того или иного видения общества, т.е. реальность – это видение общества, формирующееся в процессе коммуникации субъектов друг с другом. По словам В.А. Лекторского, без коммуникации между индивидами вообще

не было бы познавательного процесса. Согласно конструктивному реализму, другой индивид является не просто конструкцией сознания субъекта, а частью его самого, поскольку без него не было бы возможности быть собой, не существовало бы собственное Я, характерное для человека познание не было бы возможно [4].

Смена научной рациональности постепенно выдвигает на первый план конструирующую роль субъекта [2]. Данный подход в исследовании человека и социума получил название социального конструктивизма. Согласно «метатеоретическим перспективам» К. Гергена [10], знание необходимо рассматривать в качестве «артефакта взаимодействия» [9]. Процесс конструирования мира происходит не индивидуально в сознании человека, а в результате совместной деятельности людей, зависящей от смены социальных процессов: коммуникации, переговоров, конфликтов и т.д. Таким образом, всё, что считается существующим, реальным, ценным и правильным, достойным как для духовного, так и для научного постижения, конструируется с помощью языка в процессе общения с другими людьми.

Социальная картина мира имеет конструирующую функцию: она формируется субъектом и, объективировавшись, в то же время участвует в процессе конструирования субъекта. П. Бергер и Т. Лукман в своей работе [1] подробно описали процесс объективации и обратный процесс интернализации социальной реальности. Создаваемое человеком в процессе познания знание становится составной частью картины социальной реальности. С помощью языка, знаков,

символов оно становится общедоступным для людей, далее оно оформляется в качестве отдельного института, представляя перед человеком в качестве объективной реальности, являющейся ничем иным, как конструируемой им картиной мира. Посредством интернализации объективированный в картину социальный мир попадает в сознание индивида, становясь его мировоззрением.

Таким образом, социальная картина мира является идеальным конструктом, создаваемым людьми и определяющим их жизни, задающим модели поведения. Она необходима для понимания социальной реальности и определения в ней человека, выступает в качестве социальной онтологии, всегда имеет связь с познающим субъектом: либо с отдельным индивидом, либо с коллективом (примером может выступать научное сообщество). Центром такой картины является творческая коммуникативная личность, конструирующая и одновременно конструируемая социальной реальностью в процессе своего познания.

Конструирование картины мира в науке можно рассмотреть на примере языковой картины мира. Языковая картина мира представляет собой модель мира, отраженную в конкретном языке конкретного языкового сообщества. Она несёт в себе функцию ориентировки любого индивида в мире с помощью обобщения и систематизации получаемой извне информации, что также определяет субъективный характер данной картины мира. Языковая картина мира – это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и от-

раженная в языке совокупность представлений о мире, особый способ концептуализации действительности» [7, с. 84–85]. Поэтому в языковую картину мира входят, помимо лингвистического, языкового компонента, также культурный компонент, опыт поколений, восприятие природного и неприродного мира как единого целого. Следовательно, языковая картина мира выступает в качестве представления о мире, трансформированном в языке определённого народа и находящем отражение в системе знаний о мире.

Научная картина мира также является языковой, поскольку не существует научных неязыковых картин мира. В ней происходит конструирование мира, осуществляемое с помощью языка, определённого для каждой науки. В процессе общения конструируются языковые образы, являющиеся одним из этапов познания и играющие основную роль в процессе ментальной обработки информации об окружающем мире. Образ конструируется в сознании человека в результате отражения в нём предметов и явлений окружающей действительности. Он представляет собой ментальный конструкт, формируемый на базе исходного объекта и выступающий в дальнейшем в качестве «представителя» этого объекта.

Можно сделать следующий вывод: сосуществование и взаимодействие научных картин мира сегодня делает актуальным их роль в качестве методологического инструмента, формирующего целостное видение сущего; становится возможным преодоление узости дисциплинарного подхода к миру. Научная картина мира, как и любая другая, существует только в сознании человека и невозможна без со-

циальной и языковой картин мира и сти естественнонаучного знания, по-наоборот. В настоящее время идеи и степенно внедряются в область гума-принципы, сформированные в обла-нитарных исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Даниелян Н.В. Конструктивистский и научно-рациональный подходы в естественных науках: монография. М.: Издательство МГОУ, 2011. 266 с.
3. Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования и социальная картина мира // Философия науки. Ежегодник / отв. ред. И.А. Герасимова. М.: ИФ РАН, 2014. С. 9–26.
4. Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 5–40.
5. Маркова Л.А. Трансформация междисциплинарности в контексте социальной эпистемологии // Философия науки. / отв. ред. И.А. Герасимова. М.: ИФ РАН, 2014. С. 27–35.
6. Матяш О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование / [Электронный ресурс]. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/matyash01.shtml (дата обращения: 21.10.2015).
7. Соколова Е.Е., Гурина Р.В. О соотношении языковой и научной картин мира // Гуманитарные науки: теория и методология. 2010. № 3. С. 83–88.
8. Стёпин В.С. Российская ментальность и рыночные реформы // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние: науч. записки и очерки / под ред. О.Т. Богомолова М.: Ин-т экономич. стратегий, 2008. С. 143–166.
9. Gergen, K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology. // American Psychologist. 1985. Vol. 40. No. 3. P. 266–275.
10. Gergen, K.J. Towards Transformation in Social Knowledge. New York: Springer-Verlag, 1982. 260 p.

REFERENCES:

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. M., Medium, 1995. 323 p.
2. Danielyan N.V. Konstruktivistskii i nauchno-ratsional'nyi podkhody v estestvennykh naukakh: monografiya [Constructivist and Scientific-Rational Approaches in Natural Sciences: monograph]. M., Izdatel'stvo MGOU, 2011. 266 p.
3. Kasavin I.T. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya i sotsial'naya kartina mira [Interdisciplinary research and social picture of the world] Filosofiya nauki. Ezhegodnik / Otv. red. I.A. Gerasimova [The philosophy of science. Yearbook / Ed. edited by I.A. Gerasimov]. M., IF RAN, 2014. pp. 9–26
4. Lektorskii V.A. Realizm, antirealizm, konstruktivizm i konstruktivnyi realizm v sovremennoi epistemologii i nauke [Realism, antirealism, constructivism and constructive realism in modern epistemology and science] Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke / otv. red. akad. RAN V.A. Lektorskii [Constructivist approach in epistemology and humanities / ed. the editorship of Akad. RAS V.A. Lectorsky]. M., «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2009. pp. 5–40.

5. Markova L.A. Transformatsiya mezhdistsiplinarnosti v kontekste sotsial'noi epistemologii [Transformation of interdisciplinarity in the context of social epistemology] *Filosofiya nauki. Ezhegodnik / Otv. red. I.A. Gerasimova* [The philosophy of science. Yearbook / Ed. edited by I.A. Gerasimova]. M., IF RAN, 2014. pp. 27–35.
6. Mat'yash O.I. Chto takoe kommunikatsiya i nuzhno li nam kommunikativnoe obrazovanie. [Rossiiskaya kommunikativnaya assotsiatsiya] [Elektronnyi resurs]. [What is communication and whether we need communicative education. [Russian Association of Communication] [Electronic source].]. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/matyash01.shtml (request date 21.10.2015).
7. Sokolova E.E., Gurina R.V. O sootnoshenii yazykovoi i nauchnoi kartin mira [About the correlation of linguistic and scientific pictures of the world] // *Gumanitarnye nauki: teoriya i metodologiya*. [Humanities: Theory and Methodology]. 2010. no. 3. pp. 83–88.
8. Stepin V.S. Rossiiskaya mental'nost' i rynochnye reformy [Russian mentality and market reforms] *Ekonomika i obshchestvennaya sreda: neosoznannoe vzaimovliyanie: nauch. zapiski i ocherki / pod red. Bogomolova O.T. M.: In-t ekonomich* [Economy and public environment: unconscious mutual influence: science notes and essays / ed. by O.T. Bogomolov, M.: In-t.]. strategies, 2008. pp. 143–166.
9. Gergen K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology. *American Psychologist*. 1985. Vol.40. No. 3. P 266–275.
10. Gergen K.J. *Towards Transformation in Social Knowledge*, New York: Springer-Verlag, 260 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джиган Ольга Викторовна – аспирантка кафедры философии и социологии факультета «Институт экономики, управления и права» Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»;
e-mail: olga-djigan@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Dzhigan – Postgraduate Student at the Philosophy and Sociology Department of the Institute of Economics, Management and Law at the National Research University of Electronic Technology;
e-mail: olga-djigan@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Джиган О.В. Картина мира как социальный конструкт // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2016. № 4. С. 22–28.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-22-28

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Dzhigan Modern Concepts of the Worldview Construction in Human Consciousness and Science // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy*. 2016. № 4. P. 22–28.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-22-28

УДК 316.663.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-29-37

СУЩНОСТЬ ИГРЫ И ИГРАИЗИРОВАННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Кирюшин А.Н.*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»**394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, д. 54а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема игры как многогранное явление, сущностные характеристики которого трудно систематизировать в каком-либо одном универсальном определении. В зависимости от ракурса рассмотрения и контекста использования сущность игры может отражать её различные специфические (онтологические, гносеологические, аксиологические и др.) особенности. Между тем в праксеологическом отношении социальная сущность игры, проявляющая себя как непосредственно, так и опосредованно в контексте решения проблемы её дефинирования, требует учёта всего спектра имеющихся точек зрения и определений.

Ключевые слова: социальные практики, игра, играизация, сущность, определение

THE NATURE OF GAME AND GAMIFICATION IN MODERN SOCIAL PRACTICE

A. Kirjushin*Military Educational Research Center of Military and Air Forces "Military and Air Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin"**54a, Starykh Bolshevikov St., Voronezh, 394064, Russian Federation*

Abstract. The article considers the game problem as a many-sided phenomenon intrinsic characteristics of which are difficult to systematize in one universal definition. Depending on the angle of consideration and the context of use a game can reflect its various specific (ontological, epistemological, axiological, etc.) features. Meanwhile, in practical relation the social nature of the game revealing itself directly and in the context of solving the problem of its defining demands the consideration of the whole spectrum of available points of view and definitions.

Key words: social practice, game, gamification, nature, definition.

Для постулирования сущности игры и её дефинирования в рамках социальных практик необходимо подвергнуть анализу имеющиеся точки зрения и существующие определения, которые в своём содержании отражают как её номинальные, так и реальные стороны.

В контексте номинального подхода к построению определения сущности игры необходимо отметить точку зрения отечественных лингвистов Н.М. Шан-

ского и Т.А. Бобровой, которые определили слово «игра» как общеславянское, скорее всего, суффиксальное производное от той же основы, что и древнеиндийское «убјати», обозначающее «почитание божества» [21, с. 102]. Наряду с этим, руслу номинального подхода к определению игры относятся попытки поиска её синонимов. Так в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» игру определяют как «забаву, потеху, шалость, шутку, пьесу, игру воображения, игру природы, игру слов» [1, с. 240]. Отмеченные попытки не всегда отражают глубинные и сущностные характеристики игры, однако представляют собой продуктивный материал для более скрупулезного исследования проблемы дефинирования последней.

Схожая ситуация и в других языках и культурах. Е.А. Покровский отметил, что у древних греков слово «игра» означало собою действия, свойственные детям, выражая главным образом то, что у нас теперь называется «предаваться ребячеству». У евреев слову «игра» соответствовало понятие о шутке и смехе. У римлян «loud» означало радость, веселье. По-санскритски «кляда» означало игру, радость. У немцев древнегерманское слово “spilan” означало легкое, плавное движение, подобное качанию маятника, доставлявшее при этом большое удовольствие. Впоследствии на всех европейских языках словом «игра» стали обозначать обширный круг человеческих действий с одной стороны, не претендующих на тяжелую работу, и с другой, доставляющих людям веселье и удовольствие. Таким образом, в этот многообъемлющий круг, соответственно современным понятиям,

стало входить всё, «начиная от детской игры в солдатики до трагического воспроизведения героев на сцене театра, – от детской игры на орехи до биржевой игры на червонцы, – от беганья на палочке верхом до высшего искусства скрипача» [15, с. 1].

Для реалистичного подхода к определению игры также характерен ряд тенденций. Наиболее распространенным является представление сущности игры через её доминантную характеристику. Так, в истории философской мысли встречаются следующие трактовки игры: игра есть подражание деятельности (Платон); это источник душевного равновесия, гармония души и тела (Аристотель); творящее начало, рождающее мир культуры (Ф. Шиллер); деятельность, имеющая «гигиеническое» назначение (Ч. Спенсер); способ отдыха и психической разрядки (М. Лацарус); первичная форма приобщения человека к социуму (К. Гросс); деятельность, формирующая фантазию, воображение, интеллект (Ф.Я. Бейтендейк); вид индивидуального или коллективного поведения (К. Рейнуотер); форма творчества с определённой целью (Ж. Пиаже); способ самореализации индивида, структура его поведения, основа коммуникации и межличностного общения (Э. Берн); компонент деятельности, модель коммуникации или конституции текста, в которой воспроизводится непротиворечивый контекст и слова употребляются в строго определённом смысле (Л. Витгенштейн) [22, с. 151–152] и т. д. Тем не менее, учитывая сложность и многоаспектность проявлений игры, связывать последнюю только с одной сущностной характеристикой представляется

недостаточным для формулирования её определения. Попытки определить игру в неких ограниченных рамках приводят к тому, что предложенная формулировка может оказаться бесполезной в другой предметной области. Так, эстетическая трактовка игры как получения удовольствия и приятного времяпрепровождения малоэффективна в познавательной сфере, где она выступает как один из способов познания с помощью мысленного или компьютерного моделирования предмета исследования.

Наиболее перспективным является анализ существующих определений игры, имеющийся в современной философской энциклопедической литературе. Эти поределения отражают несколько тенденций в дефинировании игры.

К первой тенденции необходимо отнести попытки определения игры в эстетическом контексте, где последняя признается непродуктивной и тесно связывается с процессами получения удовольствия, отдыхом и развлечениями. Среди них необходимо отметить следующие: игра – вид непродуктивной деятельности, где мотив лежит не в результате её, а в самом процессе [3]; игра – одна из главных и древнейших форм эстетической деятельности, т. е. неутилитарной, совершаемой ради неё самой и доставляющей, как правило, её участникам и зрителям эстетическое наслаждение, удовольствие, радость [12, с. 67] и т. д.

Однако в контексте строго реалистичного подхода к определению игры и в рамках функционирования игры в социальных практиках признак непродуктивности необходимо подвергнуть сомнению. Критика утилитарной со-

ставляющей игры уже фигурирует в ряде работ [9; 10]. Дело в том, что в устоявшихся образцах и шаблонах социальной деятельности игровые процессы вовлечены во многие сферы (экономическую, политическую, развлекательную и др.), где они приносят ощутимый результат или продукт (прибыль, рейтинг, навыки, знания и т. д.), в том числе и при использовании их в качестве средства или способа достижения конкретных целей.

Вторая тенденция в дефинировании игры включает в себя точки зрения, в которых её эстетическое понимание дополняется другими сущностными чертами. Они представлены в следующих определениях: игра – разновидность физической и интеллектуальной деятельности, лишенная прямой практической целесообразности и предоставляющая индивиду возможность самореализации, выходящей за рамки его актуальных социальных ролей [13, с. 252]; игра – понятие, фиксирующее процессуальность, самодостаточную как в онтологическом (поскольку механизмом реализации игры является свободное самоизъявление соответствующего субъекта или – в постнеклассике – феномена), так и в аксиологическом (игра не имеет внешней цели, отличной от процессуальности собственного протекания, и её ценность является принципиально автохтонной – в частности, независимой от так называемого «результата») отношениях и, вместе с тем, реализующуюся по соответствующим правилам, носящим объективированно-нормативный характер [6].

Продуктивность и перспективность представленных определений игры заключается в признании недо-

статочным её эстетического видения и необходимости учёта других её фундаментальных свойств в социальном контексте. Между тем, в рамках поиска сущностных характеристик игры в социальных практиках представляется малоэффективным перечисление содержательных черт в её определении. Целесообразно обратиться к наиболее глубинным характеристикам и процессам, лежащим во всем многообразии проявлений игры в контексте однородной (онтологической, гносеологической, социальной и др.) сфер.

К третьему направлению в существующей традиции определения сущности игры необходимо отнести трактовки, базирующиеся на попытках её описания, исходя из наиболее фундаментальных черт или процессов, и осуществляющиеся как в философии, так и в педагогике, социологии, экономике и т. д.

Так, наиболее показательным является определение игры в культурологии, данное Й. Хейзингой, который, перечисляет существенные признаки игры как «формы поведения: игра свободна, она есть свобода; игра не есть «обыденная» или «настоящая» жизнь; замкнутость, ограниченность; игра обособляется от обыденной жизни местом и продолжительностью; её течение и смысл заключены в ней самой; игра устанавливает порядок, она и есть порядок; внутри сферы игры законы и обычаи обыденной жизни не имеют силы» [20, с. 31]. Вместе с тем, мыслитель недооценивает игру, как отношение к действительности, как определённое состояние, как принцип существования общества и личности и т. д. Попытки осмыслить игру с позиций «человека играющего» продуктив-

ны, однако для её исследования в социальных практиках этого недостаточно. Важнейшее значение имеет также ценность, социальная роль, функции и результаты игры для тех, кто в ней не участвует.

Дефинирование игры в педагогике имеет свою специфику и связывается с актуализацией процессов моделирования действительности для обучения и воспитания. Так, под игрой понимают как «форму учебно-воспитательной деятельности, имитирующей те или иные практические ситуации» [4, с. 234], так и «средство воспитания, в котором воспитатель в качестве инструмента формирования личности воспитанника использует его свободную (игровую) деятельность в воображаемой и реальной ситуациях, направляя её на развитие положительных качеств личности» [17].

В современной психологии понимание сущности игры связывается не только с представлением о ней как о деятельности, «мотив которой лежит в самом процессе» [11, с. 481], но и с её возможностями моделирования социальной действительности, как фактора, оказывающего наиболее сильное психологическое воздействие на человека. В этой связи актуализируются следующие определения:

– игра – форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально-закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры [8];

– игра – активность индивида, направленная на условное моделирование некоей развернутой реальности [5, с. 134].

Продуктивность психологического видения для социально-философского исследования проблемы игры заключается в признании её как фактора, имеющего особую онтологию, требующую специфических механизмов коммуникации как внутри игры, так и с объектами и субъектами повседневной действительности. Психологическое понимание игры также раскрывает её внутренние механизмы, позволяя прогнозировать её индивидуальные и социальные последствия, и показывает средства и способы управления игрой извне. Наряду с этим процессы моделирования некой условной реальности, её фрагмента или ситуации предоставляют возможности для разработки теоретических оснований и практической реализации неявной, скрытой манипуляции некоей социальной общностью для достижения неведомых ей целей или результатов, что и составляет сущность играизации.

Игра в математике тесно связана с принятием решений и борьбой за реализацию своих интересов и тем самым вовлекается в социальные практики не как математическая абстракция, а как один из важнейших факторов, способных определять социальные взаимодействия на стадии принятия решения их субъектами и объектами. Так, Г. Оуэн полагал, что «теория игр является, в конце концов, математическим описанием определенных социологических явлений; поэтому изложение, не связывающее математику с конкретными ситуациями, было бы поистине убогим» [14, с. 23].

Актуализация исследования и применения математических игр связана с их эффективностью в экономике, в

частности, в качестве деловой (имитационной) игры по разработке и апробированию разнообразных игровых сценариев экономического или финансового характера [16]. Игра рассматривается как математическая модель принятия оптимальных решений в условиях конфликта или неопределенности и помогает выбрать наилучшую стратегию, которая может вести к выигрышу или проигрышу в зависимости от поведения других игроков. В данном случае, игра представляет собой модель продуманной деятельности как в конфликтогенной сфере (игры с нулевой суммой), так и в кооперативной (игры с ненулевой суммой). Вместе с тем, игра в процессе принятия решений сводится к процессам моделирования совместной деятельности нескольких участников как в конфликте, так и в кооперации, а также оценке различных вариантов развития событий с позиций их эффективности.

В экономике игра понимает предельно расширительные трактовки, которые отождествляют её с общепринятой системой экономических взаимоотношений, а также сводят её к рискам. В первом случае необходимо отметить мнение Г.А. Литвиновой, которая под игрой понимает «взаимоотношения субъектов в ситуациях с заранее установленными правилами, когда необходимо принимать соответствующие решения» [18, с. 145]. Для второй интерпретации характерно её понимание, как «ставки с меньшими, чем статистически равными, шансами на успех» [2, с. 178]. В таком случае, экономический контекст постулирования определений игры отражает игру в закономерном (общепринятом) и случайном (рискованном) контекстах,

фиксирующих её противоречивую роль в процессах накопления и движения капиталов, символизируя тем самым существование значительной игровой компоненты в современном хозяйствовании.

В отечественной философии также существуют попытки предельно расширительного дефинирования игры. Так, под игрой понимают «форму свободного самовыявления человека, которая предполагает реальную открытость миру возможного и разворачивается либо в виде состязания, либо представления (исполнения, репрезентации) каких-либо ситуаций, смыслов, состояний» [19, с. 195]. В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» под игрой понимается «способ бытия субъекта, объективирующий себя через свободную, без принудительной мотивации, самонацеленную деятельность, осуществляемую в границах определенных правил или принципов. Характеризуется временностью, условностью, наличием субъекта, предмета и средств игры. Предполагает сознательное «удвоение мира», при котором сама игра выступает бытием второго плана, существующим по принципу дополнительности в отношении к первичному бытию, отличается эмоциональной насыщенностью и наличием фантазийного компонента» [7].

Наиболее существенным моментом в контексте постулирования определения игры является признание её специфической формой социальной практики, реализуемой как непосред-

ственно (в конкретных играх и формируемых на их основе организациях, отношениях и т. д.), так и контекстуально, латентно (представляющей собой игру как определенное состояние, принцип существования, способ достижения цели и т. д.). Будучи одним из способов моделирования и манипулирования социальной действительностью, игра может стать незримой и маскироваться под реальность. В таком случае необходимо говорить не об игре, а об играизации, специфические черты которой также необходимо указать в определении, поскольку последняя занимает важнейшее место в современных социальных практиках.

Под игрой в таком случае необходимо понимать форму социальной практики, предполагающую явное или скрытое преобразование социальной реальности.

Таким образом, авторское определение предполагает раскрытие сущности наиболее сложных социальных проявлений игры и играизированных процессов. Вместе с тем, для примитивных видов игры (подвижные, крестики-нолики и т. д.) или развлечений (представляющих пассивное восприятие продуктов профессиональной деятельности людей, занятых в сфере искусства или шоу-бизнеса) представленное определение будет явно избыточным, и для них достаточным будет использование наиболее распространенной эстетической сущностной черты игры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М., 1999. 310 с.
2. Блэк Дж. Оксфордский толковый словарь. М., 2001. 6240 с.

3. Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1969–1978.
4. Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М. 1999. 539 с.
5. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск, 1998. 800 с.
6. Игра [Электронный ресурс] // Философский словарь [сайт]. URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Igra-838> (дата обращения: 24.07.2015).
7. Игра [Электронный ресурс] // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. [сайт]. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Igra-126.html (дата обращения: 24.07.2015)
8. Игра [Электронный ресурс]. URL: www.vocabulary.ru/dictionary/27/word/igra (дата обращения: 15.09.2015).
9. Казанова Н.В., Мельникова Е.В. Структура и типы игры: история и современный взгляд // Грани познания. 2015. № 6 (40). С. 30–35.
10. Казанова Н.В., Штыров А.В. Потенциал игры как средства организации образовательной деятельности в открытом информационном пространстве // Известия ВолгГТУ. Волгоград. 2013. № 16 (119). С. 23–36.
11. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981. 584 с.
12. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2010. 634 с.
13. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. 1280 с.
14. Оуэн Г. Теория игр. М., 1971. 295 с.
15. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. М., 1987. 368 с.
16. Попов А.Н. Маркетинговые игры: развлекай и властвуй. М., 2006. 256 с.
17. Русинова Л.П. Педагогический словарь по темам. Сарапул. [Электронный ресурс]. URL: www.didacts.ru/dictionary/1025/word/igra (дата обращения: 30.07.2015)
18. Словарь терминов по институциональной экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1025/word/igra> (дата обращения: 30.07.2015)
19. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова 7-е изд. перераб. и доп. М., 2001. 719 с.
20. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 416 с.
21. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.
22. Яковлева Е.Л. Игра – уникальный феномен культуры // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7. С. 151–152.

REFERENCES:

1. Abramov N. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii. 7-e izd., stereotip [Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions. 7th ed., stereotype]. M., 1999. 310 p.
2. Blek Dzh. Oksfordskii tolkovyi slovar' [Black George. Oxford Dictionary]. M., 2001. 6240 p.
3. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T.10 [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 10]. M., 1969-1978.
4. Vishnyakova S.M. Professional'noe obrazovanie: Slovar'. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktual'naya leksika [Professional Education: Dictionary. Key Notions, Terms, Relevant Vocabulary]. M., 1999. 539 p.
5. Golovin S.YU. Slovar' prakticheskogo psikhologa [Dictionary of Practical Psychologist]. Minsk, 1998. 800 p.
6. Igra [The game] Filosofskii slovar'. [Elektronnyi resurs] [Philosophical Dictionary. [Electronic source]]. URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Igra-838/> (request date 24.07.2015)
7. Igra [The game] Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki. [Elektronnyi resurs]. [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. [Electronic source]]. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Igra-126.html (request date 24.07.2015)

8. Igra. [Elektronnyi resurs] [Game. [Electronic source]] URL: www.vocabulary.ru/dictionary/27/word/igra (request date 15.09.2015)
9. Kazanova N.V., Mel'nikova E.V. Struktura i tipy igry: istoriya i sovremennyy vzglyad [Structure and Types of the Game: History and Modern View] // Grani poznaniya. 2015. no. 6 (40). pp. 30–35.
10. Kazanova N.V., Shtyrov A.V. Potentsial igry kak sredstva organizatsii obrazovatel'noi deyatel'nosti v otkrytom informatsionnom prostranstve [The potential of games as a means of organization of educational activities in open information space] // Izvestiya VolgGTU. [Izvestia VSTU] Volgograd. 2013. no. 16 (119). pp. 23–36.
11. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of the Development of Psyche]. M., 1981. 584 p.
12. Novaya filosofskaya entsiklopediya. [New Encyclopedia of Philosophy]. v 4 T. T.2 M., 2010. 634 p.
13. Noveishii filosofskii slovar'. Sost. A.A. Gritsanov [The Newest Philosophical Dictionary. Comp. by A.A. Gritsanov]. Minsk, 1998. 1280 p.
14. Ouen G. Teoriya igr [Game Theory]. M., 1971. 295 p.
15. Pokrovskii E.A. Detskie igry, preimushchestvenno russkie [Children Games, Nainly Russian]. M., 1987. 368 p.
16. Popov A.N. Marketingovy igry: razvlekat i vlastvui [Marketing Games: Entertain and Rule]. M., 2006. 256 p.
17. Rusinova L.P. Pedagogicheskii slovar' po temam. Sarapul. 2010. [Elektronnyi resurs] [Pedagogical Dictionary by Topics. Sarapul. 2010. [Electronic source]]. URL: www.didacts.ru/dictionary/1025/word/igra (request date 30.07.2015)
18. Slovar' terminov po institutsional'noi ekonomike. M. 2001. [Elektronnyi resurs]. [Glossary of Terms in Institutional Economics. M. 2001. [Electronic source]]. URL: <http://vocabulary.ru/rub=96> (request date 10.03.2016)
19. Filosofskii slovar'. Pod. red. Frolova I.T. 7-e izd. pererab. i dop [Philosophical Dictionary. Under the editorship of Frolov I.T. 7th ed. Rev. and DOP]. M., 2001. 719 p.
20. Kheizinga I. Homo ludens. Chelovek igrayushchii [Homo Ludens. Playing Man]. M., EKSMO-Press, 2001. 416 p.
21. Shanskii N.M., Bobrova T.A. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. M., Prozerpina, 1994. 400 p.
22. Yakovleva E.L. Igra – unikal'nyi fenomen kul'tury [The game is a unique cultural phenomenon] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. [Vestnik of the Orenburg State University] 2010. no. 7. pp. 151–152.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирюшин Алексей Николаевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры тактики авиации Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж);
e-mail: elrishia_@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey Kiryushin – Ph.D. of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Tactics of Aircraft at the Military Educational and Scientific Center of Military and Air Forces

“Military and Air Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin”
(Voronezh);
e-mail: elrisha_@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кирюшин А.Н. Сущность игры и играйизированных процессов в современных социальных практиках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 29-37/
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-29-37

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Kiryushin The Nature of Game and Gamification in Modern Social Practice // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy 2016. № 4. P. 29-37.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-29-37

УДК 140.8;316.323.72

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-38-47

СОЦИАЛИЗМ КАК ОПРЕДЕЛЁННЫЙ ЭТАП И КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ СОЦИОИСТОРИЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА

Михалкин Н.В.*Российский государственный университет правосудия**117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье раскрывается содержание законов организации общества в его относительно самостоятельном бытии по отношению к неживой и живой природе, а также связь между развитием социоисторического организма и такой его формой как социализм. Автор обосновывает мысль, что не следует раскрывать содержание социализма с позиций «конструкторского подхода», а необходимо выявлять его качественные признаки, исходя из установки, что социоисторический организм не является генетически воспроизводимым, а имеет единственный в природе способ организации социального на планете Земля со своими объективными законами развития и управления. Дается авторская характеристика содержанию социализма, а также перспектив его возникновения и становления в России.

Ключевые слова: объективный закон; закон организации общества; социоисторический организм; социализм; право; реальное право; безопасность; прогресс.

SOCIALISM AS A DEFINITE STEP AND QUALITATIVELY NEW LEVEL OF SOCIO-HISTORICAL DEVELOPMENT

N. Mikhalkin*Russian State University of Justice**69, Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation*

Abstract. The article reveals the content of the laws of the society in its relatively independent existence in relation to inanimate and living nature as well as the relationship between the development of a socio-historical organism and such its form as socialism. The author argues that the concept of socialism should not be considered from the perspective of a “design” approach, but revealed through its qualitative traits proceeding from the assumption that socio-historical organism is not genetically reproducible and is the only way to organize the social on Earth with its objective laws of development and management. The author suggests his own characteristics of socialism, as well as the prospects for its emergence and development in Russia.

Keywords: objective law; the law of social organization; socio-historical organism; socialism; right; real right; safety; progress.

В канун столетия с момента образования первого в мире Советского государства, провозгласившего целью построение в стране социально справедливого общества и достигшего в этом процессе значимых позитивных результатов, которые сопровождались и недостатками, актуальной стала задача осмысления феномена «социализм» в новых реалиях современного мира.

Исторически формирование и формулирование образа и содержания феномена «социализм» было обусловлено стремлением человеческой мысли к «конструированию» такого общественного устройства, где человек мог бы жить и развиваться как «совершенное социальное существо». И в контексте «конструкторского» подхода феномен «социализм» приобретал разные черты и свойства. Это обуславливалось тем, что его «конструирование» базировалось на разных мировоззрениях, способах, методах, средствах познания человеком самого себя и социального бытия, законах развития человеческих сообществ, смыслах бытия человека и т. д. Реально проявлялись следующие основные воззрения на содержание феномена «социализм»: религиозный, идеалистический и материалистический. Они различались между собой по способу и средствам создания данного феномена, но лишь в своих основных компонентах: в его содержание вкладывались мечты, представления об обществе, где человек имеет возможность жить в справедливости или по справедливости, в равенстве и быть свободным. Правда, при этом включаемые в содержание феномена «социализм» такие понятия, как справедливость, равенство, свобода,

трактовались неоднозначно. Очевидно, что каждый подход, основанный на определённом типе мировоззрения, использовал и использует свой понятийно-категориальный аппарат, своё содержательное наполнение этих понятий.

На современном этапе можно выделить несколько основных концепций феномена «социализм», но с практически одинаковыми основными ценностями. В них социализм трактуется как определенная экономическая система и государственно-общественный строй, где воплощается в реальность идея всеобщего равенства и справедливости граждан, где нет разделения людей на антагонистические классы, а основными атрибутивными чертами этого общества являются: общественная собственность на средства производства; коллективный труд; плановость в экономике в сочетании с рыночными механизмами; свобода и равенство всех граждан.

Духовной составляющей социализма в имеющихся концепциях выступают: высокий уровень нравственности, любовь к Родине, ответственное отношение к труду, качественное образование, приоритетное развитие науки, воспитание людей в духе патриотизма, коллективизма и интернационализма [1].

Очевидно, что такое содержательное трактование социализма, скорее всего, представляет собой как бы «вещное» обрамление некоторого идеала бытия человечества. Идеал этот «сконструирован» людьми, оценивавшими положительные и негативные черты своей жизнедеятельности, а также место и роль в этом процессе основных социальных институтов общества,

способа производства материальных и духовных благ.

Специфика идеала состоит в том, что, принципиально отличаясь от истины, он не менее существенно отличается и от заблуждения. Если заблуждение есть отклонение знания от истины вопреки желанию, идеал есть точное представление о желаемом изменении реальности. В социальном аспекте такое отличие идеала от истины ведет к далеко идущим последствиям для тех, кто руководствуется идеалом. Всё дело в том, что если для утверждения или установления истины нужна общественная практика, то для утверждения или реализации идеала требуется «жертва».

При этом «идеалов» может быть сколько угодно, тогда как объективная истина, т. е. знание, адекватно отражающее природу и сущность исследуемого объекта, одна.

Плюрализм идеалов не вступает в противоречие с монизмом истины. Всё дело в том, что для построения картины будущего-должного необходимо иметь не только истинную картину существующего, отражающую конкретное бытие человечества, но и сформированный идеал его будущего.

Можно сказать, что идеал бытия человечества, которым в силу вышеперечисленных черт описываемого строя мы считаем социализм, это совершенный образ, некоторое предельно завершённое представление о нашем бытии, получающееся в результате идеализации реально познанной в своей природе и сущности жизнедеятельности людей. Подобная идеализация обладает внутренним потенциалом к совершенству и тенденцией к достижению определённого уровня социального прогресса.

Конечно, обращение к феномену «социализм» обуславливает и возможностями новых подходов к исследованию содержания развития сообществ людей, социоисторического организма, которые предоставляют исследователям современные социальные и гуманитарные науки.

В связи с этим автор данной статьи намерен раскрыть содержательные, организационные и управленческие компоненты феномена «социализм» посредством рассмотрения и оценивания жизни человечества в его относительно самостоятельном бытии с связи с неживой и живой природой, в том числе и по связям одних общностей к другим.

Изначально определимся в понимании относительно самостоятельного бытия человечества в связи с природой и собой подобным.

Автор считает, что относительно-самостоятельное бытие сообществ, человечества – это исторически складывающиеся формы и способы жизнедеятельности людей, сопровождающиеся созданием значимых для себя благ, рациональной организацией своего бытия в соответствии с уровнем познанных объективных закономерностей организации социального и управления им, а также рамками наличествующей совокупности объективных условий и субъективных факторов, которые в единстве всех сил и средств, имеющихся у человечества, обуславливают создание и разрушение исходной гармонии их сосуществования.

Реально относительно самостоятельное бытие человечества представляет собой своеобразное единство процесса его отчуждения и сближения

с неживой и живой природой, себе подобными.

Очевидно, что изучение этих противоречий в определённой степени предопределяет формулирование и установление рациональной меры сопоставления, соизмерения, сравнения потребностей человека и интересов общностей людей, которые должны находиться в следующих границах этой меры: «равные возможности и равная ответственность каждого перед обществом и сообщества за каждого своего члена»; «обязательное служение каждого представителя сообщества интересам сообщества и адекватное воздаяние сообществом каждому своему члену за воплощение в жизнь этих интересов»; «свободное развитие каждого представителя сообщества есть условие свободного развития сообщества вообще» и т. д.

Хотелось бы обратить внимание читателя на тот факт, при любых высотах человеческой изобретательности в создании своего бытия, последнее всегда включает в себя сочетание и взаимодействие природного и социального, духовно-социального и духовно-природного. Оно может быть представлено как социоприродное или в качестве социоисторического организма и имеет свои как внутренние, так и внешние противоречия, выступающие в качестве причины и источника своего развития. Они суть факторы, порождающие идеал и являющиеся источниками относительно самостоятельного развития социоисторического организма в его единстве с природой вообще, с кладёзью материалов для творческой деятельности человечества и «свалкой» результатов его же деятельности.

Осуществляется такой процесс объективно-субъективно. При этом всякое развитие, что подтверждено общественной практикой, включает в себя процесс разрешения противоречий и в то же время сопровождается возникновением новых противоречий. При этом, обладая всеобщностью в плане причины и источника развития всего сущего, противоречия имеют разные формы своего существования и по-разному проявляются в различных сферах бытия социоисторических организмов, в познавательной и преобразовательной деятельности людей.

В своём относительно самостоятельном бытии люди для сохранения себя и обеспечения своего развития создают различные формы и способы своей организации. Создание этих форм и способов происходит по-разному:

- иррационально, через приспособление, адаптацию, естественный отбор;

- посредством иррационально – рационального выбора и создания форм и способов организаций социальных общностей;

- путём форм и способов организации социальных общностей, на основе рациональных закономерностей, которые становятся для них определёнными принципами и которым они следуют в процессе практически-преобразовательной деятельности.

Здесь проявляет себя феномен «синтеза» законов развития природы, общества, как части природы, и законов организации общностей людей. Всё дело в том, что закон развития общностей и человека сопровождается законом организации этих общностей, рациональной регуляцией (организа-

цией и управлением) бытия социоисторических организмов.

При этом закономерности организации сообществ и в целом социального (социоприроды) выражаются посредством деятельности и общения людей, коррелируются ими в соответствии с полученными знаниями о законах развития и организации неживой и живой природы. От уровня познания этих законов, а также от использования людьми тех или иных рациональных и иррациональных способов включения в свою жизнь этих знаний зависят как характер, так и содержание бытия людей, формы бытия социоисторического организма в целом, формирование подлинно человеческих качеств в каждом представителе рода человеческого [3, с. 21].

О каких же закономерностях организации социоисторического организма идёт речь? Следует обратить внимание, что закономерности организации социоисторического организма (человечества) – это внутренние, существенные, устойчивые, необходимые и повторяемые связи между отдельными субъектами этих общностей, между субъектами и элементами этих общностей, между элементами общностей, между элементами общностей и самим сообществом, между сообществами [2, с. 48–49].

Для людей они выступают в качестве принципов организации их бытия. Ведь принципы – это исходные для человека установки, сформулированные в нормативной форме, которые обуславливают его познавательно-преобразовательную деятельность, регламентируют граничные условия его активности, указывают ему направление движения к цели и оптими-

зируют, если ими руководствоваться, использование имеющихся для этой деятельности средств и способов.

Можно выделить четыре основных закономерности, которые и выступают в качестве принципов организации человеческих сообществ.

Закономерность безопасности, как принцип организации социоисторического организма, требует, чтобы в сообществах людей была установлена такая совокупность отношений, а также создана такая система средств и способов противодействия внутренней и внешней экспансии в них, которые совместно обеспечивали бы всем гражданам, социальным институтам исполнение их социальных ролей, обусловленных их социальным статусом.

Закономерность единства (целостности), как принцип организации социоисторического организма, требует учитывать тот факт, что возникновение, становление и развитие социоисторического организма происходит (осуществляется) в форме единения отдельных общностей, которые являются собой и социальное целое, и часть природы.

Закономерность устойчивости (стабильности), как принцип организации социоисторического организма, требует учитывать тот факт, что социоисторический организм в своём становлении, функционировании и развитии находится в динамическом равновесии по отношению к неживой и живой природе.

Закономерность самодостаточности, как принцип организации социоисторического организма, требует учитывать тот факт, что для обеспечения относительно самостоятельного бытия человека, сообществ людей

в связи с неживой и живой природой всем субъектам этой социальной системы необходимо обладать таким внутренним «материальным» и духовным потенциалом взаимодействия с природой вообще, который обеспечивал бы им позитивное развитие.

При этом объективные закономерности организации социоисторического организма могут быть и должны не только осмысливаться людьми, но и воплощаться в жизнь посредством проявления ими своей активности, посредством права, которое имеет статус реального, нормативного и фактического. В этом случае человек, человечество становится творцом своей истории. Задача эта, безусловно, трудная и сложная, но реально решаемая.

И если эти закономерности ещё в полной мере не осмыслены людьми и не реализуются, на это есть причины. В первую очередь это связано с тем, что в сообществах людей всегда есть определенные группы, которые не заинтересованы в том, чтобы эти закономерности реализовывались.

В качестве другой причины можно выделить отсутствие в сообществах людей той «критической» массы осознавших эти закономерности членов, которые способны посредством соблюдения принципов, соответствующих этим закономерностям, в организовывать эти сообщества правильно и правильно ими управлять.

Другими словами, нужна «сила», «общественная сила», способная преодолеть сопротивление субъектов, незаинтересованных в прогрессивном развитии социоисторического организма, а также организовать в соответствии с объективными закономерностями сообщества людей и ими управлять.

Таким образом, следование объективным закономерностям организации сообществ людей предоставляет людям возможность осуществлять социальный прогресс. Это такие изменения в обществе и развитии человека, когда сумма позитивных крупномасштабных последствий для всех социальных структур, в том числе и для каждого человека, превышает сумму негативных, и человек находится в гармонии с природой и себе подобными.

Иными словами, если развитие сообществ регламентируется нормами права, прекрасного, совершенного, принципами «золотого правила нравственности», а сами они стремятся к гармонии отношений с природой и себе подобными, человек способен реализовать в позитивном ключе все свои задатки, налицо пример общественного прогресса.

Т. е. объективные условия развития человека, закон развития человека, противоречия между социальным и природным в самом человеке обусловили возникновение идеала организации и развития сообществ людей. И сущностью этого идеала, как феномена в достижении гармонии законов природы и закономерностей, в организации сообществ, в создании средств деятельности для обеспечения эффективности, в достижении человеком поставленной цели, в раскрытии оптимальности биологического и социального в человеке, выступает создание искусственной среды бытия человека и сообществ людей, создание социоприроды, обеспечение безопасности и будущности.

Непременной составляющей бытия социального в формах «общества», «социоисторических организмов» вы-

ступает деятельность людей, в первую очередь трудовая, и сопутствующий ей мир материальных компонентов. К ним можно отнести производительные силы, средства производства во всём их многообразии и человека.

И здесь мы подходим к важному моменту: показателям, характеризующим качественность развития социоисторического организма. Автор считает, что по уровню и «качеству» развитости социоисторического организма можно судить о достижении человечеством того или иного идеала жизни, конкретно воплощаемого в образе жизни как отдельного человека, так и сообществ людей.

Другими словами, в уровне, качественности развитости социоисторических организмов действительно содержаться критерии социализма.

Автор обращает внимание на тот факт, что именно образом жизни людей оценивается воплощаемый в реальность идеал общественной организации человечества в его социальном прогрессе.

Образ жизни – это категория, отражающая наличествующую у человека или у сообществ людей совокупность мировоззренческих установок, идей, воззрений, принципов, обуславливающих их мотивацию к проявлению активности в их деятельности и общении, способ использования средств для достижения общественно значимых целей, а также характер и содержание видов ответственности, если результаты проявляемой ими активности не будут обеспечивать социальный прогресс, всестороннее позитивное развитие наличествующих у человека задатков.

Однако, возможность нельзя смешивать с действительностью. Это – два

разных феномена. Чтобы возможность непрерывного социального прогресса превратить в действительность, нужны соответствующие по качеству и объёму субъекты такой деятельности.

Другими словами, достижение социоисторическим организмом определённого уровня совершенства возможно лишь в том случае, если люди не только откроют и осмыслят объективные закономерности его организации и управления, но и научатся применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах сообществ и самих себя. Т. е. тогда, когда «критическая масса» сообществ людей будет способна и готова к прогрессивному развитию.

Основными субъектами, предопределяющими организацию и развитие социоисторического организма в целом являются: человек, общности людей. Они выступают основными «средствами» становления и развития социального, теми, кто способен создавать в процессе деятельности и общения благо (вещественное и духовное), которое обеспечивает удовлетворение их же потребностей, а также реализацию целей социального прогресса.

На каждом этапе развития социоисторического организма такими субъектами выступали наиболее социально зрелые представители сообществ людей. Но не все. К ним следует отнести только тех, кто из этих групп отождествляет себя с прошлым, настоящим и будущим своей страны и человеческого сообщества и делает всё необходимое, чтобы можно было достичь счастливого будущего для всех.

Сегодня это представители «механизированного» и «автоматизирован-

ного» (технического, технологического) промышленного и сельскохозяйственного производства, а также учителя, преподаватели и учёные.

Они сегодня разобщены, и поэтому задача политических партий, которые ориентированы на социальный прогресс, а не на «чавкающее» общество, состоит в том, чтобы объединить представителей этого субъекта социоисторического организма. И не только объединить их. Задача состоит в том, что для воплощения в действительность закономерностей организации и управления сообществами людей в плане их позитивного прогрессивного развития из них необходимо создать «критическую» массу, способную на современном этапе дать всему социоисторическому организму импульс развития в тенденции социального прогресса.

Природа «социализма» в том, что он есть феномен выражения объективных законов развития и организации сообществ людей в их относительно-самостоятельном бытии на уровне социального прогресса и развития человеческого в человеке.

А вот уровень развития социоисторического организма, который мы можем назвать социализмом – это качественная характеристика его организации, функционирования, позволяющая большинству граждан раскрыть свои задатки и быть счастливыми в своей жизни. Это не наивысшая производительность общественного труда, это не самый высокий объём производимых благ, это и не «уровень жизни» людей.

Показатели уровня развития сообществ людей можно сформулировать в следующих положениях:

– взаимодействие природы и человечества обязано находится в границах меры гармоничности;

– относительная самостоятельность бытия человечества не может быть выше уровня познанных законов бытия природы;

– уровень и степень организации сообщества людей обязаны быть адекватными сложностям решаемых человечеством задач и трудностям разрешаемых им противоречий;

– безопасность себя и всех, включенных в процесс жизнедеятельности целого;

– гармоничное сочетание процессов объективации и субъективации;

– новая суть реального права как рациональности, которая обеспечит такую организацию социоисторического организма, где труд станет подлинно системообразующим фактором;

– реальное право закрепляется в нормативных актах таким образом, что они обеспечивают целостность, функциональность, безопасность социоисторического организма и его позитивное развитие;

– форма и способ жизни людей, которые исключают «глумление» власти, «властных людей» над невластными;

– форма и способ бытия людей, предполагающие позитивное творчество для всех;

– общество трудового содружества.

Социализм – это «новая орбита» бытия человечества. Для того чтобы на неё выйти, необходим определенный потенциал культуры: материальной, духовной и в значительной степени политической. Его необходимо создать людям в расширенном виде и непрерывно воспроизводить.

Следовательно, социализм – это определённое качество уровня развития социоисторического организма, осуществленного на основе воплощения в действительность выявленных закономерностей его организации, которые проявляют себя в позитивном развитии всех и каждого в социальном прогрессе.

Если организация не будет иметь соответствующего качества, не будет соответствовать закономерностям организации, организм будет умирать. При этом надо помнить, что генетического воспроизводства этого организма не будет, если он сам себя уничтожит.

СССР не сумел обеспечить необходимую организацию и был разрушен более организованным сообществом. Сейчас мы также подходим к уровню «животной» организации, что реально предполагает уничтожение и современного социоисторического организма.

Значит, социализмом можно называть такой уровень развития социоисторического организма, при котором граждане, осмыслив суть социального прогресса, познав объективные закономерности организации сообществ людей и научившись их использовать в качестве принципов своей практически-преобразовательной деятельности на этом пути, обеспечивают себе всестороннее позитивное развитие, а

также «гармоничное противоречие» с неживой и живой природой, человека с человеком, одних сообществ с другими сообществами.

В этом случае устанавливается устойчивая связь: объективный закон прогрессивного развития социоисторического организма «включён» в адекватную этому закону закономерность его организации, которую люди осмысленно (осознанно) соблюдают в принципах «долженствования» и «обязанности», пронизанных содержанием правовой, моральной, эстетической формами регуляции.

Социализм – это форма организации общества, способ существования государственной власти на таком уровне развития, когда труд выступает определяющей ценностью в жизни людей, а его содержание и результаты являются критерием оценки деятельности человека, мерой справедливого воздаяния ему за созданное им благо. Т. е., социализм – это общество трудового содружества (ОТС).

Социализм – это наиболее оптимальный вариант организации человечества при полиаспектных видах отношений собственности, в имеющихся способах производства, наиболее действенный способ обеспечения безопасности человечества и социального прогресса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Китайской Народной Республики / принята на 5-й сессии всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 04.12.1982 // См.: Конституции социалистических государств. В 2-х тт. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 1. Ст. 17–23.
2. Михалкин Н.В., Михалкин А.Н. Закономерности организации общества и роль права в реализации обязанностей государства // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Философские науки. 2015. № 4. С. 46–56
3. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. 776 с.

REFERENCES:

1. Konstitutsiya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [The Constitution Of The People] Sm.: Konstitutsii sotsialisticheskikh gosudarstv. V 2-kh tt. T. 1. [See: The Constitution of the socialist States. In 2 vols. vol.1.]. M., Yuridicheskaya literatura, 1987. pp. St. 17-23
2. Mikhalkin N.V., Mikhalkin A.N. Zakonomernosti organizatsii obshchestva i rol' prava v realizatsii obyazannosti gosudarstva [Patterns of social organization and the role of law in implementing the obligations of the state] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Seriya: Filosofskie nauki. [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy]. no. 4. 2015. pp. 46-56.
3. Semenov Yu.I. Filosofiya istorii. [The Philosophy of History. M., 2003.]. M., 2003. 776 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михалкин Николай Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия;
e-mail: Fafnir85@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay Mikhalkin – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Disciplines at Russian State University of Justice;
e-mail: Fafnir85@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Михалкин Н.В. Социализм как определенный этап и качественно новый уровень развития социоисторического организма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 38-47.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-38-47

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Mikhalkin Socialism as a Definite Step and Qualitatively New Level of Socio-Historical Development // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 4. P. 38-47.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-38-47

УДК 3:620.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-48-54

СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЭПОХИ NBIC-ТЕХНОЛОГИЙ

Сошнина А.Г.*Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II
127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о сущности, происхождении и функционировании систем социальных взаимоотношений. Исторически они формировались на базе традиций, складывающихся в определённую эпоху в соответствующих социальных группах. Автор отмечает необходимость философского осмысления проблем, связанных с переформированием систем социальных взаимоотношений постиндустриального общества на новой ступени его эволюции.

Ключевые слова: системы социальных взаимоотношений, рационализация, антропоцентризм, коммуникативно-регуляторные системы, эпоха NBIC-технологий, сакральное, природное, мифологическое.

SOCIAL RELATIONS AND THE FORMATION OF NBIC-TECHNOLOGY ERA

A. Soshnina*Emperor Nicholas II Moscow State University of Railway Engineering
9/9, Obraztsova St., Moscow, 127994, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the essence, the origin and functioning of the system of social relationships. Historically they were formed on the basis of traditions prevailing in a certain era in the relevant social groups. The author points out the urgency of philosophical understanding of the problems associated with the re-formation of post-industrial social relations systems at a new stage of their evolution.

Keywords: the system of social relations, rationalization, anthropocentrism, communicatively-regulatory system, NBIC-technologies, sacred, natural, mythological.

В последние годы значительно вырос и обострился интерес к вопросам, отражающим сущность, происхождение, системно-структурную организацию и функционирование одного из базовых оснований человеческого общества – комплекса систем социальных взаимоотношений, основу которого образует информационное начало.

Подобного рода ситуация, на наш взгляд, в значительной степени обусловлена тем, что постиндустриальное общество вступает в качественно новую природно-социальную действительность – в мир конвергентных, или NBIC-технологий, обладающих мощной культурогенной силой, способностью ока-

зывать существенное воздействие на культуру и трансформировать её.

Понятие «конвергентные технологии» возникло в конце XX в. и связано со становлением современной нанотехнологии. Это понятие начало стремительно наполняться новым содержанием практически с наступлением XXI в., когда в США была выдвинута «NBIC-инициатива».

NBIC – английская аббревиатура понятий Nano-, Bio-, Info-, Cognitive Sciences, к которым относятся такие виды конвергентных технологий, как коммуникационные и информационные, нано- и биотехнологии, генная инженерия, а также когнитивные науки.

Понятно, что события такого масштаба и значимости требуют, во-первых, не только глубокого осмысления. С переходом общества в новую эпоху прежние, сформировавшиеся для обеспечения конкретных социальных взаимоотношений системы коммуникаций должны подвергнуться глубокой перестройке или даже отвержению. Дело в том, что эти системы формировались на протяжении долгого времени для обеспечения потребностей социумов традиционного типа в механизмах социальных взаимоотношений. До начала промышленной революции и наступления индустриальной стадии эволюции общества они справлялись со своими задачами если и не оптимально, то, по крайней мере, приемлемо для соответствующих форм общественной организации. Эпоха NBIC-технологий, идущая на смену постиндустриальному обществу, базируется на основаниях, во многом, качественно отличных от тех, что слагали фундамент не только

обществ традиционного типа, но и в значительной мере, современного.

Во-вторых, стала очевидной потребность переосмысления множества стереотипов. В изменяющихся условиях они становятся серьёзным препятствием на пути движения познавательной и практической деятельности. Необходимо, чтобы системы социальных взаимоотношений и такие их составляющие, как коммуникативно-регуляторные системы, могли адекватно адаптироваться к складывающейся новой социально-природной реальности.

Данные системы относятся к классу нормативных, составляющих основу обеспечения функций личной идентификации, регуляции поведения и выстраивания иерархии влияния или власти [7, с. 11]. А.В. Ноздронов выделяет три основных типа социально-регулятивных систем: традиционный, институциональный (законодательный) и нравственный (мораль) [7, с. 12–13].

В литературе эти типы систем фигурируют под терминами «коммуникативные механизмы социальной регуляции», «регулятивные системы», «регулятивные механизмы общества» или же, в более узком значении, могут быть названы «социально-регулятивными механизмами государственного управления» [5, 6, 7]; есть и другие примеры.

Здесь мы обращаем внимание на те составляющие коммуникативно-регуляторных систем, которые относятся преимущественно к первому типу и несут в себе отдельные признаки третьего; системы второго типа мы выводим за скобки статьи.

Остановимся лишь на тех, что в социально-философской и культуро-

логической литературе отображаются понятиями «рационализация», «антропоцентризм», «виртуальная реальность».

Обратившись к рассмотрению особенностей систем коммуникативно-регуляторных, выделим такие их наиболее значимые структурные элементы, как ритуал, обряд, этикет. Именно они составляют комплекс особого рода механизмов, позволяющих коммуникативно-регуляторным системам исполнять основные свои функции – реализацию всего многообразия форм и способов человеческого общения.

Исторически они опирались или даже вытекали из традиций, что складывались в соответствующих социальных группах в ту или иную эпоху. Сами же традиции, в конечном счете, являются производными и, одновременно, неразрывно связанными с присущими данным конкретным культурам мифическими конструктами, ведущими начало со времён глубокой архаики. Миф в его изначальных формах, отмечает А.Ф. Лосев, «есть для мифического сознания наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность» [4, с. 396–397]. Миф, заключает А.Ф. Лосев, – это «необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально необходимая – категория мысли и жизни; и в нём нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического, это – подлинная, максимально конкретная реальность» [4, с. 396–397].

В основании классических древних мифов лежат, по крайней мере, два системообразующих начала (обозначим их как «сакральное» и «природное»), причем оба, для архаического и традиционного сознания обладали бесспорным статусом реальности.

Но уже с античных времён в западной культуре мифические события в сознании общества постепенно теряют свой атрибут реальности; миф в определенной степени начинает рассматриваться как некий вымысел.

Потому-то, например, М. Элиаде прямо настаивает на том, что не следует начинать изучение мифов с Древнего Египта или Древней Греции – ведь большинство из них было пересказано, переделано и систематизировано Гомером, Гесиодом, рапсодами. Так же, как в Индии и на Ближнем Востоке, они в значительной мере утратили свою «мифическую субстанцию» и претворились в «литературу» [8]. Лишь в традиционных архаических обществах, где мифы ещё живы, можно увидеть его и вытекающие из него, строящиеся на нём формы коммуникативно-регуляторных систем – обряда, ритуала, этикета в их социо-религиозном контексте.

Процесс утраты мифом статуса реальности ускорился с началом индустриальной эпохи; процессы секуляризации, а затем и рационализация (в понимании её М. Вебером) размыывают, а по существу, элиминируют из мировоззрения европейской культуры сакральное, как таковое, и его функцию одного из мифообразующих факторов в частности. Но как раз сакральное начало обеспечивает в традиционном обществе обязательность выполнения основных норм взаимо-

отношений; представления о том, что коль скоро эти нормы установлены Высшими Устроителями мира и заповеданы первопредкам, завещающим их неукоснительное исполнение потомкам, то заветы эти одинаково значимы в качестве вневременных, безусловных стандартов социальных отношений – они безоговорочно, без каких-либо налётов на рефлекссию, принимаются как *modus operandi* сообщества.

Одновременно лишаются статуса реальности природно-исторические составляющие мифа. По существу, миф переходит в разряд легенды или сказания.

Вместе с этим подвергаются деструкции все складывавшиеся до сих пор формы традиций и, соответственно, основанные на них коммуникативно-регуляторные системы. Прежде всего, исчезает нормативность, необходимость и обязательность выполнения этих социально-коммуникативных форм: они утрачивают своё содержание. Если обязательность исполнения требований этикета, ритуала и т. д. в обществе обосновывалась их наполненностью сакральным и природным содержанием как безусловной реальностью, десакрализация и лишение статуса реальности глубинных оснований мифического делает всё возросшее на мифе необязательным для исполнения. В лучшем случае нормы коммуникативно-регуляторных механизмов допускаются к исполнению в силу доброй воли, привычки и т. д. для членов социума.

К числу других важнейших по своим последствиям факторов, приведших к кризису исторически сложившихся форм и принципов социальных взаимоотношений, в том числе их ком-

муникативно-регуляторных механизмов, можно отнести фактор рационализации, на значение и перспективы которого в жизни индустриального общества в начале XX в. обратил внимание М. Вебер.

Рационализация, влекущая стремительное возрастание доли виртуальной реальности по сравнению с реальностью объективной, стала одним из ведущих понятий в его социально-философской доктрине.

Понятие «виртуальность» не ново для науки. Так, говорят о «виртуальных перемещениях» в классической механике или о виртуальных частицах в квантовой физике. В этих случаях данные понятия существуют в пределах концептуального поля соответствующих разделов науки и на онтологический статус не претендуют. Иная ситуация складывается в области современных информационных систем. С конца прошлого века мир компьютеров породил нечто, получившее определение «виртуальная реальность», со всё более проявляемой претензией на особый онтологический статус. В силу этого, данное понятие требует глубоко специального исследования.

П.П. Гайденок особо обращает внимание на ту роль, которую немецкий мыслитель отводит феномену рационализации в истории, на его убеждённость в том, что рационализация «социального действия» есть тенденция самого исторического процесса: «хотя этот процесс протекает не без помех и отклонений, европейская история последних столетий и вовлечение других неевропейских цивилизаций на путь индустриализации, проложенной Западом, свидетельствует о том, что

рационализация есть всемирно исторический процесс» [1, с. 588].

Строго говоря, понятие рационализации у Вебера связано с его категорией «картина мира», в которой воссоздается определенное отношение к миру. Он выделяет три способа такого отношения, заключающие в себе представление о векторе социальной деятельности людей. «Первый из них – **приспособление** к миру, второй – как **бегство** от мира, третий – как **овладение** миром» [2, с. 621].

Каждый из этих способов обусловлен соответствующим типом рациональности, задающим общее направление последующей рационализации. Складывавшаяся в рамках соответствующих религиозных систем, «картина мира» в ходе секуляризации европейской культуры Нового времени исчерпала себя. Задачу формирования новой «картины мира» принимает на себя научное мировоззрение, в котором на место трансцендентного Бога предлагается человек; антропоцентризм приходит на смену теоцентризму.

Антропоцентризм – понятие сложное и неоднозначное. Представление о нём как о мировоззренческом принципе, относящемся к сфере человеческих морально-нравственных отношений, например, в духе Кантовского категорического императива, не вызывает и не может вызвать возражений. Сложнее обстоит дело в более общем случае – когда принципы антропоцентризма распространяются на сферу отношений между человеческим обществом и совокупностью остальных природных факторов планеты и, прежде всего, на отношения общества с живым веществом биосферы. Здесь в основе антропоцентрического ми-

ропонимания лежит непререкаемая убежденность в том, что человек занимает исключительное, центральное место в мироздании, ибо является венцом Божественного творения, а потому вправе действовать в сотворенном для него мире так, «как будто все рычаги небесной механики существуют специально ради нас» [3, с. 209].

В предельном случае антропоцентризм выступает своеобразным символом веры, выражением гипертрофированного, безапелляционного убеждения конкретного «культурно-исторического типа» (воспользуемся термином Н.Я. Данилевского) о своём месте и роли в мироздании. Здесь тот случай, когда общество пребывает в виртуальной реальности, поскольку настройка коммуникативно-регуляторных механизмов социума находится в диссонансе с реальностью объективной. Разумеется, человек вправе вообразить себя венцом и целью Творения, вершиной эволюции, владыкой и повелителем природного мира. В конце концов, можно причислить себя сонму ангелов – но крылья от этого у него не вырастут.

На основании всего сказанного можно сделать вывод о том, что пока нет даже потенциальной возможности для более-менее приемлемых представлений о формах организации, способах и механизмах функционирования коммуникативно-регуляторных систем эпохи NBIC-технологий, тем более что на сегодня отсутствуют более-менее приемлемые модели этой самой эпохи. Мы убеждены, что исследования в этом направлении делают ещё только первые шаги; потребуется ещё много времени и усилий философского и научного сообщества для

осмысления глубины и масштабов наработанной информации в соответствующих обсуждениях проблем и реализации разработках.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гайденок П.П. Социология М. Вебера // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 3-е изд., доп. и испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 656 с.
2. Давыдов Ю.Н. Картина мира и типы рациональности. Новые подходы в изучении социологического наследия Макса Вебера // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 3-е изд., доп. и испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 656 с.
3. Зеленский Ф.Ф. Соперники христианства: статьи по истории античных религий. СПб.: Алетейя: Логос-СПб, 1995. 209 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.
5. Лубченков Ю.Н. Коммуникативные механизмы социальной регуляции и пути их оптимизации: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 149 с.
6. Медведев К.Б. Социально-регулятивные механизмы государственного управления фермерством как видом малого предпринимательства: дисс. ... канд. социол. наук. М., 2001. 156 с.
7. Ноздронов А.В. Динамика социальных регулятивных систем: дисс. ... канд. фил. наук: М., 2015. 175 с.
8. Eliade M. Mythand reality. L.: Allen. Unwin, 1964. XIV, P. 204.

REFERENCES:

1. Gaidenko P.P. Sotsiologiya M. Vebera, V.: Veber M. Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. 3-e izdanie, dop. i ispravlennoe. M; SPb.: «TSentr gumanitarnykh initsiativ» [Gaidenko P.P. M. Weber's Sociology: Weber, M. Selected Works: the Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. 3rd edition, EXT. and revised.]. 2012. 656 p. A Series Of "Book Light".
2. Davydov YU.N. «Kartina mira i tipy ratsional'nosti» Novye podkhody v izuchenii sotsiologicheskogo naslediya Maksa Vebera V.: Veber M. Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. ["The World Picture" and Types of Rationality". New Approaches in the Study of Max Weber's Sociological Heritage. Weber, M. Selected Works: the Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism.] 3rd edition, enlarged and corrected M.; SPb., TSentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. 656 p. Seriya «Kniga Sveta»,. pp. 621
3. Zelenskii F.F. Soperniki khristianstva (stat'i po istorii antichnykh religii). Izdatel'stvo «Aleteiya». Sankt-Peterburg pri uchastii Izdatel'stva «Logos-SPb» [Zelensky F. Opponents of Christianity (articles on the history of ancient religions). "Aletheia" Publishing House, Saint Petersburg, with the participation of "Logos-SPb" Publishing House] Saint Petersburg, 1995. pp. 209
4. Losev A.F. Dialektika mifa. A.F. Losev. Iz rannikh proizvedenii [Losev, A.F. The Dialectics of Myth. Losev, A.F. From Early Works]. M., Publishing House "Pravda", 1990.
5. Lubchenkov Yu.N. Kommunikativnye mekhanizmy sotsial'noi regul'yatsii i puti ikh optimizatsii: diss. na soisk. uch. st. k. psikh. nauk: 19.00.05 [Lubchenkov, Yu.N. The Communicative Mechanisms of Social Regulation and Ways of their Optimization: Ph.D. Thesis in Psychology: 19.00.05]. M., 2002. 149 p.
6. Medvedev K.B. Sotsial'no-regulyativnye mekhanizmy gosudarstvennogo upravleniya fermerstvom kak vidom malogo predprinimatel'stva: diss. na soisk. uch. s. k. sots. nauk:

- 22.00.08. [Medvedev, K.B. Social Regulatory Mechanisms of Farming State Control as a Form of Small Business. Ph.D. Thesis in Sociology: 22.00.08]. М., 2001. 156 p.
7. Nozdrunov A.V. Dinamika sotsial'nykh regulativnykh sistem: diss. na soisk. uch. st. k. fil. nauk: 09.00.11 [Nozdrunov, A.V. Dynamics of Social Regulatory Systems: Ph.D. Thesis in Philology: 09.00.11]. М., 2015. 175 p.
8. Eliade M. Myth and reality. L.: Allen [Eliade, M. Myth and Reality. L.: Allen]. Unwin, 1964. XIV, P. 204.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сошнина Анастасия Геннадиевна – старший преподаватель кафедры философии и культурологии Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II;
e-mail: soshnina.nastya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia Soshnina – Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Cultural Studies at Emperor Nicholas II Moscow State University of Railway Engineering;
e-mail: soshnina.nastya@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сошина А.Г. Системы социальных взаимоотношений в процессе становления эпохи nbic-технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 48-54.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-48-54

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Soshnina Social Relations and the Formation of NBIC-Technology Era // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 4. P. 48-54.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-48-54

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.45 (091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-55-64

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В РОССИИ: Т.Н. ГРАНОВСКИЙ И П.Н. КУДРЯВЦЕВ

Архангельская Н.О.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В результате анализа сделан вывод. П.Н. Кудрявцев рассматривал еретические движения и протестантизм, как протест против злоупотреблений пап, социальные основы отдельных движений им не подчёркивались. Т.Н. Грановский, напротив, считал, что за различиями религиозными стояли различия социальные, уделял большое внимание борьбе течений внутри Реформации. Религиозную форму, по его мнению, могли принимать движения национально-освободительные (гуситы) и антифеодальные.

Ключевые слова: история религиоведения, Реформация, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев.

FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF RELIGION IN RUSSIA: T.N. GRANOVSKIY AND P.N. KUDRYAVTSEV

N. Arkhangelskaja

*Moscow State Regional University
10A Radio street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The paper deals with the analysis of medieval religious movements by T. Granovsky and P. Kudravytsev. P. Kudravytsev considered heretic movements and Protestantism as a result of negative reaction to overindulgence of the Pope. T. Granovsky, on the contrary, argued that religious movements are socially determined and paid great attention to the struggle of different movements within the Reformation. According to him both national liberation movements (Hussites) and anti-feudal ones could take a religious form.

Key words: the history of the study of religion, the Reformation, T. Granovskiy, P. Kudryavtsev.

© Архангельская Н.О., 2016.

В середине XIX в. европейская мысль заново ставит многие вопросы социальной философии. Идея развития общества, а несколько позднее и материалистический подход к истории заставили вернуться к ним, в том числе рассмотреть социальные основы религиозных движений. Просветительская трактовка религии, объявлявшая причинами её возникновения и существования невежество и обман, перестала удовлетворять общество. В числе русских исследователей, занимавшихся этой проблемой был выдающийся историк Т.Н. Грановский. К сожалению, на эту сторону его творчества до сих пор обращалось недостаточно внимания, хотя это – одно из лучших достижений русской исторической мысли XIX в. Поэтому в статье ставится задача: рассмотреть интерпретацию Грановским сущности религиозных движений, главным образом, Реформации, а также сопоставить его взгляды и взгляды его современников на этот вопрос.

В России вопрос о социальных причинах религиозных движений был особенно важен в силу некоторых обстоятельств. Во-первых, в середине XIX в. сохранялись расхождения между православной церковью и старообрядцами, на Кавказе существовало движение под флагом ислама, вел пропаганду протестантизм. Во-вторых, главной социальной проблемой в стране было существование крепостного права, и прогрессивные общественные силы, выступая против него, должны были определить своих потенциальных союзников, что заставляло их обращать внимание на тех, кто использовал религиозную форму выражения своих взглядов. В-третьих, самораз-

витие общественной мысли требовало нового понимания истории, поскольку она всегда была областью, к которой все идейные течения обращались для обоснования своих идеологий.

Новые идеи философии истории заставляли искать глубинные причины развития общества, среди них в первую очередь внимание обращалось на изменение сознания людей. Из русских историков это особенно было характерно для Т.Н. Грановского (1813–1855), изучавшего во время командировки в Германию не только историю, но и немецкую классическую философию. Поиск закономерностей развития общества привел его к ряду важных выводов, среди них было и более глубокое, чем у большинства его современников, понимание социальной сущности религиозных движений средневековья.

Дружеские отношения Т.Н. Грановского, А.И. Герцена и Н.П. Огарёва способствовали тому, что они размышляли над одними и теми же проблемами и в молодости придерживались сходных взглядов. Общим был интерес Герцена и Грановского к первоначальному христианству, и Герцен с удовольствием пересказывал ряд положений публичных лекций Грановского (декабрь 1843 г.), в частности, следующее: «...рабы, городские жители, труждающиеся и современённые, принимали христианство, и оно быстро распространялось» [2]. На первый взгляд, здесь только отмечается факт, о котором было известно задолго до Грановского: христианство первоначально распространялось среди низших слоев общества. Но дело в том, что в первоначальном христианстве и в средневековых религиозных движениях Грановский подчеркивал их

социальное содержание. Причём наиболее полно это было сделано именно в лекциях середины 40-х гг.

Отличительной чертой философии Т.Н. Грановского было стремление за религиозной формой движений увидеть в них выражение интересов различных социальных слоев. Внимание его привлекали, главным образом, движение гуситов в Чехии и Крестьянская война в Германии. В гуситском движении Грановский увидел борьбу за национальную независимость: «учение Гуса соединялось с национальным вопросом», «вопрос религиозный для них был <...> и вопросом политическим, национальным» [1, с. 126].

Историю Реформации Т.Н. Грановский рассматривал в лекционном курсе 1849–1850 гг. Здесь он подчеркнул, что интересы всех сословий выражались в новом религиозном учении, при этом «каждое сословие попыталось взять это движение и обратить в свою пользу» [3, с. 96]. Последнее положение не просто декларируется, Грановский показывает соответствие взглядов Лютера экономическим интересам дворянства. Т. е. определяется социальный слой, интересы которого отразились в реформационном учении: «...в тех землях, где утверждалась Реформация, власть князей сильно усиливалась. Во-первых, князь становился уже главою областного духовенства <...> Во-вторых, князья отобрали значительную часть имения у духовенства католического или капитулов. <...> Одним словом, выгоды светской власти от Реформации были очевидны» [3, с. 101]. Устраивало светские власти и то, что «Лютер проповедовал начало безусловной покорности воле императора; он говорил, что церковь и учение

можно защищать только оружием духовным: “будем молиться, будем ждать, что Господь смягчит сердце императора и откроет свет ему”» [3, с. 107; с. 383]. Другой социальной группой, поддержавшей Реформацию, были зажиточные горожане. «В самой Германии Реформация распространялась преимущественно в имперских городах, где богатое, просвещенное среднее сословие недовольно было начальниками-туземцами» [3, с. 100, 383]. Таким образом, показана социальная основа лютеровского направления в Реформации: оно отвечало интересам феодалов и зажиточных горожан.

Иначе обстоит дело, когда Грановский обращается к народной реформации. Её историк объявил порождением фанатизма и не старался найти отражение интересов народных масс в религиозной форме. Справедливое положение о том, что, обращаясь к Реформации, все сословия отстаивали свои социальные интересы, оказалось проведенным недостаточно последовательно в этом лекционном курсе. Но последнее относится лишь к лекциям 1849–1850 гг., поскольку за несколько лет до этого, особенно в лекциях 1843 г., Грановский гораздо точнее рассматривал социальную основу народного крыла Реформации, затем характеристика народной реформации стала не просто более скупой, она была явно упрощена. Причиной подобных изменений могло стать давление на историка со стороны попечителя Московского учебного округа С.Г. Строганова и Митрополита Московского Филарета [5, с. 325–326, 328] или изменение политической позиции Грановского в конце 1840-х гг.

В лекционном курсе 1843 г., открыто выражая сочувствие крестьянству, чьё тяжелое положение не улучшалось, по его мнению, на протяжении веков, Грановский подчеркивает, что именно социальные причины приводили к крестьянским восстаниям, в т. ч. и к войне нач. XVI в. в Германии. Историк обратил внимание на требования крестьян. «Вот что требовали они: уничтожение всех феодальных повинностей, введение Реформации, права избирать священника из своей среды, чтобы он учил их Слову Божию <...> Они требовали секуляризации церковных имений <...> Наконец, они требовали <...> христианской братской общины, основанной на учении Христа, который страдал за крестьян, как и за высшее сословие. <...> это самая полная попытка Реформации, которая была до Французской революции» [3, с. 385]. В этом же курсе говорится о Мюнцере: «Он соединял с религиозными мечтами средневековых сект план самого полного общественного преобразования» [3, с. 385]. При этом Грановский не осуждает Мюнцера, но считает его план фантастическим.

Таким образом, согласно этому курсу, в Реформации участвовали три группы, стремившиеся, используя различные варианты реформационной идеологии, добиться реализации своих интересов. В его анализе нашли отражение новые подходы к философии истории, требовавшие раскрытия сущности исторических событий. Заслугой Грановского была именно трактовка религиозных движений как способа выражения экономических и политических интересов различных групп общества. Оказывается, что религия не просто используется правя-

щими классами в своих целях, о чём в России говорили ещё некоторые декабристы. Религиозные учения вырабатываются и идеологами крестьянства и получают широкое распространение, поскольку в религиозной форме выражаются важнейшие его требования. Сопоставление Реформации и Французской революции свидетельствует о том, что Грановский видел общность между крестьянскими требованиями и преобразованиями, осуществленными в ходе Великой французской буржуазной революции, прошедшей под лозунгами политическими.

И в лекциях начала 1850-х гг. Грановский подчеркивал различие интересов богатых горожан и крестьян, а также общность интересов первых с интересами рыцарства, а последних – с интересами городской бедноты. «Большие же города смотрели недоверчиво и с некоторым презрением на крестьян, с каким смотрел на них средневековый рыцарь. Горожане боялись дикого разгула демократических страстей и не хотели помогать крестьянам, зато города, где гражданство не было богато и сильно, подали крестьянам руку помощи» [3, с. 385]. Иными словами, выделяются два течения внутри Реформации, каждое из которых апеллировало к религии, но у каждого из них были свои стремления.

В глубоком понимании сущности религиозных движений отразилась важнейшая черта мировоззрения Грановского – поиск закономерностей исторического процесса. Ряд современных исследователей подчеркивает, что для Грановского всеобщая история представляла собой не перечисление важнейших событий, а «закономерный, диалектически развивающийся

процесс, обусловленный духовным, материальным факторами и традициями государственной жизни народов» [6, с. 47; с. 342, 345].

Это становится очевидным при сравнении взглядов Грановского с позициями других историков. Интересное сравнение с немецким историком Ранке сделано А.С. Асиновской, которая подчеркивает, что, в отличие от Ранке, рассматривавшего Реформацию как движение пророков, Грановский видел её социальную сущность [1, с. 129]. Русским историком дана картина взаимодействия двух направлений в Реформации, подчеркнуты различия между ними, большое внимание уделено позиции Лютера в ходе Крестьянской войны, когда он, поддержав князей, призвал к расправе с крестьянами. По мнению Грановского, Лютером двигал страх перед народным движением [3, с. 386].

Следует сравнить подход Грановского к объяснению сущности Реформации со взглядами В. Циммермана, книгу которого «История крестьянской войны в Германии» Грановский изучал. Циммерман писал, что во взглядах людей накануне и в период Крестьянской войны сочетались идеи политические и религиозные, ставшие доминирующими. При этом он подчеркивал, что именно религиозная идея объединила крестьян. «Ни одно из местных восстаний не сделалось общим до тех пор, пока религиозный вопрос не затронул всего общества. Евангелие стало знаменем, под которым угнетенный народ соединился<...> для общей цели» [9, с. 131]. Идеология восставших крестьян отличалась от взглядов бюргеров и дворян не столько по религиозной форме, сколько по

своей социальной сущности. «Нельзя сказать, чтобы простой народ не понял учения Лютера; нет, но он верно понял учение других проповедников, не согласных с Лютером и шедших дальше его; они выразительно и ясно предлагали новое евангелие религиозной и гражданской свободы всем, стремившимся к спасению и освобождению, и доказывали несовместимость крепостного состояния с учением Христа» [9, с. 132]. Из этих фрагментов видно, что Циммерман отметил ряд особенностей сознания средневекового общества. Во-первых, в этот период социальные интересы выражались в религиозной форме. Во-вторых, различные варианты религиозных учений появлялись потому, что общество было неоднородным и интересы различных социальных групп не совпадали. В-третьих, мечты крестьян и ремесленников о лучшем обществе были выражены Т. Мюнцером, о котором Циммерман писал: «Он полагал, что государство должно быть одушевлено духом христианства. <...> следовало обратить законы Царства Божия в государственные постановления и равенство людей перед Богом в равенство их на земле» [9, с. 140].

Таким образом, положения выдвигавшиеся Грановским, рядом важнейших черт совпадали или были близки идеям Циммермана. Говорить о простом заимствовании, наш взгляд, будет упрощением. Во-первых, потому, что подобный анализ дается Грановским не только в отношении событий немецкой истории нач. XVI в., но и других. Во-вторых, воспользоваться выводами немецкого историка Грановский мог только в случае согласия с ними. А сходство взглядов было, в

свою очередь, обусловлено близостью социально-политической позиции. Оба историка стремились к прогрессивному изменению общества, сочувственно говорили о тяжелом положении народных масс и желали его улучшения. В-третьих, развитие европейской и русской исторической науки приводило к сходным результатам тех исследователей, которые стремились вскрыть причины исторических событий. Это стремление совпадало с общим развитием социальной мысли, ставившим вопросы о сущностной связи событий прошлого и настоящего, о законах общественного развития.

Для того чтобы выяснить значение нового подхода к пониманию сущности религиозных движений для развития религиоведческой мысли в России, достаточно сравнить эти положения с идеями С.М. Соловьева. Соловьев объяснял появление раскола застоем в жизни России XVII в., преобладанием деревенской жизни над городами, слабым развитием мануфактур и торговли и давал такое объяснение: «При отсутствии просвещения, дающего возможность различать существенное от несущественного, перемена во внешнем, <...> кажется изменением существенного, изменением религии, мысль, что перемена есть исправление, не допускается...» [8, с. 194]. Следует отметить, что Соловьев сравнивает распространение эсхатологических настроений в России XVII в. с борьбой протестантов против папства, но и это сравнение не побудило его обратить внимание на связь религиозных идей (старообрядчества, протестантизма) с интересами определенных социальных групп. На игнорирование историком социальных причин Соловецкого вос-

стания обращает внимание Ю.А. Тихонов в комментариях к тому [8, с. 615]. В итоге раскол трактуется Соловьевым как движение, направленное против преобразований и науки [8, с. 195]. Таким образом, становится очевидным, что Грановский в лекциях 1840-х гг. гораздо глубже раскрывает социальную основу религиозных движений, чем Соловьев в томах своей «Истории России с древнейших времён», вышедшей в 1861–1862 гг.

Преемником Грановского на кафедре был П.Н. Кудрявцев (1816–1858). Для Кудрявцева характерен взгляд на ереси и Реформацию, как на выражение недовольства различных слоев европейского общества политикой папства, особенно продажей индульгенций. «Своими крайностями иерархия возбудила очень рано неудовольствие <...> но то были попытки неудачные, преждевременные, которые скоро пали пред превозмогающей силой. Виклефет, альбигойцы, гуситы. Но есть вечные идеи, которые не умирают от поражений» [7, с. 68]. Подобная трактовка была упрощением по сравнению с идеями Грановского. Кудрявцев просто ссылается на некое «время» и некую «потребность», не указывая, в чём же конкретно они заключались. В его курсе можно найти описание множества событий, но объяснение их более поверхностно, чем у Грановского. К числу их относится и объяснение Реформации.

В 1848–1849 гг. Кудрявцев прочитал курс лекций, посвященных истории гуманизма и Реформации. Хотя он отмечал, что «...все недовольные сословия должны были стараться обратить в свою пользу реформационное движение. Таково было свойство религиозной

реформы, что она по самому существу своему должна была проникнуть все классы...» [7, с. 141]. Тем не менее, в отличие от Грановского, Кудрявцев не стремился вскрыть социальные корни различных течений внутри Реформации. Подобный взгляд не был исключением, скорее наоборот, он близок к позиции немецкого историка Шлоссера, также считавшего причиной возникновения ересей «отвращение к искаженному католицизмом христианству» [10, с. 235] и уделявшего мало внимания даже важнейшим мировоззренческим чертам еретических учений.

В лютеранстве, по мнению Кудрявцева, главным было отрицание возможности прощения грехов за деньги. Не случайно этой проблеме посвящен целый раздел курса, тогда как другие стороны лютеровского учения (отрицание свободы воли, спасение верой) излагаются очень кратко. Т. е. движение представляется как почти исключительно антипапское [7, с. 126]. Более того, у Кудрявцева встречаются суждения, которые можно истолковать как признание зависимости взглядов человека от его внутренних качеств, а не от эпохи. О Лютере он говорит: «То, <> что в других возбуждалось вследствие увлекающих потребностей времени, то в Лютере было необходимым свойством его духа, его натуры. Если бы он родился и прежде, <...> он вынес бы из своей собственной жизни те же самые убеждения...» [7, с. 78].

Социальные корни Реформации, её связь с интересами различных социальных групп немецкого общества (феодалами, бюргерами, крестьянами) остались невыявленными. Подчёркивается лишь, что «жители городов с жадностью стекались слушать его

проповедь» [7, с. 128]. Но остаётся неясным, чем же так привлекла их проповедь Лютера.

Различие позиций Грановского и Кудрявцева становится особенно заметным, когда встаёт вопрос о народном течении в Реформации. Грановский при несогласии со взглядами народных вожаков всегда сочувственно говорил о положении народа. Отношение к народу Кудрявцева сложнее. Да, он сочувствует тяжёлому положению немецких крестьян, но одновременно и боится народных выступлений. Проникновение Реформации в массы народа вызывает его беспокойство: «Чем она опускалась ниже, тем становилась опаснее: в низших классах всегда было гораздо больше неудовольствия, а между тем они меньше были приготовлены к тому, чтобы принять реформу во всей чистоте её; да и самые нужды их были такого рода, что не могли они, восставая против иерархии церковной, не восстать и против иерархии светской» [7, с. 141].

Вероятно, неприятие народных движений привели к тому, что Кудрявцев не рассматривал социальные корни народной Реформации и её особенности. Выступление народных низов во главе с Т. Мюнцером Кудрявцев рассценивал как проявление фанатизма и не видел в нём ничего, кроме разрушения. Критическим было и отношение к реформатору Карлштадту из-за его призыва к действиям, обращенного к народу [7, с. 138]. Этим объясняется и сочувствие к призыву Лютера к расправе с восставшими [7, с. 144–148]. Симпатию историка вызывает то, что: «Восставши против иерархии, никогда Лютер не восставал против светских властей: он привык смотреть на них с уважением...» [7, с. 130].

Реформация рассматривалась Кудрявцевым и с этнической точки зрения. «Два главных народных элемента мы находим в Европе: романский и германский <...> Католицизм был скорее создание романского духа, наложенное и на германские народы. Учение реформационное, в котором религиозный элемент отделился от церковного, был плодом германской мысли...» [7, с. 135]. Это положение, подчёркивая значение протестантизма для немецкой культуры, в то же время мешает историку увидеть общность лютеранства с предыдущими ересями. Сводя вопрос только к политике папства, Кудрявцев обеднял содержание еретических и реформационных движений и оказался не в состоянии увидеть их социальное содержание и специфику его выражения в религиозной форме. Неоднократно подчёркивая общность взглядов Гуса и Лютера на вопрос об отношении к индульгенциям, историк не обращал внимания на специфические стороны этих движений, их связь с определенными национальными и социальными интересами. Таким образом, в этих лекциях нет анализа социальных корней религиозных движений, а дается, скорее, их описание.

Можно сделать вывод, что русская историческая наука поставила вопрос о социальных основах религиозных движений в тот же самый период, что и европейская (немецкая), и в этом несомненная её заслуга. Выводы, к которым пришли русские историки, определялись их общественной позицией, отношением к народным массам, а также пониманием особенностей развития общества. Грановский, мечтавший превратить историю из описания событий в науку не менее строгую, чем естествознание, стремился открыть закономерности исторического процесса, позволило представить многообразие действовавших социальных слоев феодального общества, каждый из которых находил свою трактовку религиозных положений, дал анализ течений внутри Реформации. Эти идеи позднее развивались прогрессивной русской общественной мыслью и позволили перейти к научному пониманию социальной сущности религиозных движений. Кудрявцев делает шаг назад в анализе событий и даёт более упрощённую их трактовку, от которой русская религиозоведческая мысль отказывается еще в XIX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асиновская А.С. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т.Н. Грановский). М.: 1955. 166 с.
2. Герцен А.И. Публичные чтения г-на Грановского. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_1843_chtenia_granovskogo.shtml (дата обращения 20.09.2016).
3. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986.
4. Гутнова Е.В., Асиновская С.А. Грановский как историк. // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 336–362.
5. Дмитриев С.С. Грановский и русская общественность. // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 317–335.
6. Золотарев В.П. Т.Н. Грановский и Н.И. Кареев: о преемственности теоретико-методологических подходов в русской историографии XIX века // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 43–58.

7. Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М.: Наука, 1991. с. 51–50.
8. Соловьев С.М. История России с древнейших времён // Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. 6. М., 1991. 671 с.
9. Циммерман В. История крестьянской войны в Германии. в 2-х тт. Т.1. М. 1937. 387 с.
10. Шлоссер Ф. Всемирная история. В 8 тт. Т. 7. СПб. 1863. 449 с.

REFERENCES:

1. Asinovskaya A.S. Iz istorii peredovykh idei v russkoi medievistike (T.N. Granovskii) [From the History of Progressive Ideas in the Russian Medieval Studies (T.N. Granovsky)]. М., 1955. 166 p.
2. Gertsen A.I. Publichnye chteniya g-na Granovskogo. [Mr. Granovsky's Public Readings] Izbrannye proizvedeniya v 2-kh tt [Selected works in 2 vols]. Vol.1. pp. 201–213 .
3. Granovskii T.N. Leksii po istorii srednevekov'ya [Lectures on the History of the Middle Ages] М., Nauka, 1986. pp. 5–316 .
4. Gutnova E.V., Asinovskaya S.A. Granovskii kak istorik. [Granovsky as a Historian.] Granovskii T.N. Leksii po istorii srednevekov'ya [Granovsky T.N. Lectures on the history of the Middle Ages]. М., 1986. pp. 336–362.
5. Dmitriev S.S. Granovskii i russkaya obshchestvennost'. [Granovsky and the Russian society.] Granovskii T.N. Leksii po istorii srednevekov'ya [Granovsky T.N. Lectures on the History of the Middle Ages]. М., 1986. pp. 317–335.
6. Zolotarev V.P. T.N. Granovskii i N.I. Kareev: o preemstvennosti teoretiko-metodologicheskikh podkhodov v russkoi istoriografii XIX veka [T.N. Granovsky and N.I. Karev: on the Continuity of the Theoretical and Methodological Approaches in Russian Historiography of the 19th century] Timofei Nikolaevich Granovskii: ideya vseobshchei istorii [Timofey Nikolayevich Granovsky: the Idea of the Universal History]. М., 2006. pp. 43–58.
7. Kudryavtsev P.N. Leksii. Sochineniya. Izbrannoe [Lectures. Works. Favorites]. М., Nauka, 1991. pp. 51–50 .
8. Solov'ev S.M. Sochineniya v 18 knigakh. Kn. 6 [Works in 18 books. Book 6]. М., 1991. 671 p.
9. Tsimmerman V. Istoriya krest'yanskoi voyny v Germanii. T. 1 [The History of the Peasant War in Germany. Vol. 1]. М., 1937. 387 p.
10. Shlosser F. Vsemirnaya istoriya. T. 7 [The History of the World. Vol. 7]. SPb., 1863. 449 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архангельская Наталья Олеговна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: Narhan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalja Arkhangelskaja – Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Philosophy at Moscow State Regional University;
e-mail: Narhan@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Архангельская Н.О. Из истории религиоведения в России: Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 55-64.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-55-64

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Arkhangelskaja From the History of the Study of Religion in Russia: T.N. Granovskiy and P.N. Kudryavtsev // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 4. P. 55-64.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-55-64

УДК 1(091) +140.8

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-65-73

ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КРАТКИЙ ОЧЕРК ОСНОВНЫХ ИДЕЙ

Батурина И.В.*Московский технологический институт**117292, г. Москва, ул. Кедрова, д. 8, корпус 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен обзор исследований феномена творчества в различные периоды развития философской мысли. Показаны яркие изменения, происходившие во взглядах на творчество, а также различные методологии изучения этого феномена. Обозначены современные научные парадигмы подходов к творчеству, даётся их краткий анализ и оценка. Выделены основные трактовки феномена творчества в различные исторические эпохи в контексте главных философских разделов: онтологии, гносеологии, аксиологии, антропологии, эстетики, теологии и др.

Ключевые слова: философия творчества, деятельность, человек, Бог, акт творчества, мысль, развитие, антропоцентризм, рационализм, посредственность.

THE PHENOMENON OF CREATIVENESS AS A SUBJECT OF EUROPEAN PHILOSOPHY: A BRIEF REVIEW OF THE BASIC IDEAS

I. Baturina*Moscow Technological Institute**8/2, Kedrova street, Moscow, 117292, Russian Federation,*

Abstract. The article reviews the studies of creativeness in different periods of philosophical thought development. It demonstrates great changes in the views on creativeness as well as different methodologies used in investigating this phenomenon. The author describes contemporary academic paradigms of approaches to creativeness, gives their brief analyses and evaluation. The main interpretations of the phenomenon of creativity in different historical epochs in the context of the main philosophical topics: ontology, epistemology, axiology, anthropology, aesthetics, theology etc. are analyzed.

Key words: philosophy of creativeness, activity, man, God, creative act, thought, development, anthropocentrism, rationalism, mediocrity.

В настоящее время огромный интерес проявляется исследователями к проблеме творчества, и это неудивительно: без понимания его природы и сути невозможно решение целого ряда задач, причём не только социально-гуманитарных (связь этой сферы с творчеством очевидна), но и технических – создания, например, искусственного интеллекта, компьютеров новых поколений, изучения безграничных возможностей памяти и др. Можно проследить попытки

мыслителей постичь суть феномена творчества на протяжении всего времени существования философии. В кратком очерке мы проанализируем основные воззрения мыслителей на творчество.

Так, в античности творчество рассматривается как особый вид бытия и ставится проблема соразмерности творчества Бога и человека. Философские взгляды Сократа на творчество, которое проявляется, прежде всего, в занятиях философией, основываются на том, что «в действительности мудр – бог, а человеку дано быть любителем мудрости – философом» [12, с. 22]. Сократ подчёркивает, что знаний и мудрости для того, чтобы быть философом недостаточно, необходим ещё и соответствующий образ жизни, пронизанный добродетелью. Подлинная философия и подлинное творчество возможны в единстве знания и добродетели, причём философствование не сводится к чисто теоретической деятельности, но включает в себя благие поступки. Предметом философствования как принципиально творческой деятельности выступает познание «естества» человека, его образа жизни и мышления и следование известному дельфийскому изречению «познай самого себя».

Платон творчество трактует как акт самого явления бытия из небытия, причем человек может быть реальным творцом, если будут благими помыслы и цели, к которым он стремится. Философская деятельность, согласно взглядам Платона, несёт в себе благие помыслы и цели и может выступать одним из видов творчества. Каждый человек обладает творческим потенциалом, «...все люди беременны как

телесно, так и духовно» [11, с. 163]. Главный и исходный платоновский принцип реализации творческого потенциала – это Любовь. Платон осуществляет свою классификацию различных видов творчества; главным же источником творчества он мыслит созерцание, обращённое в инобытие. Оно есть некий резервуар сил и возможностей, из которого изначальная активность творчества как бы «проявляет» то или иное нечто [17, с. 152].

По Аристотелю, философия освобождает человека от невежества, и по способности человека к философскому творчеству следует судить о его совершенстве и благородстве [2, с. 69]. Аристотель резко отделяет философское творчество от ремесла и искусства, более того, не считает даже возможным найти общее между творчеством и деятельностью, всячески подчеркивая, что деятельность не есть творчество, а творчество не есть деятельность [3, с. 175–176]. Философия как творчество есть не абстрактное знание, которое может быть употреблено как во зло, так и на добро, а только такое знание, которое обязательно ведёт к добродетели: «Мы ведь проводим исследования не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, – иначе от этой науки не было бы никакого проку» [3, с. 176]. Аристотель особо подчеркивает, что философия выше утилитарной сферы, она крайне необходима людям, поскольку заставляет их вспомнить о высшей пользе тех сущностей, которые имеют отношение не столько к средствам, сколько к целям человеческой жизни.

Эпикур философствование рассматривает как род творческой деятельно-

сти, который необходим для «здоровья души» и выработки мировоззрения, лежащего в основе поведения и жизни людей [4, с. 24]. Изучая философию, а также постоянно находясь в контакте с философами, человек постепенно приобретает то, чего ранее ему не хватало: он постигает цель жизни и определяет для себя пути её достижения [15, с. 87]. Философское творчество, по Эпикуру, рассеивает имеющиеся ложные представления об устройстве жизни.

Итак, античное понимание феномена творчества покоится на особых онтологических основаниях, в основе которых представление о наличии не одной, а двух реальностей для человека, в которых он одновременно находится. Первая и главная реальность – это божественный мир совершенного и неизменного космоса, созданный исключительно Творцом. В божественной реальности возможность творить также исключительно божественная; человек в ней полностью отстранён от какого-либо творчества, и его удел – лишь созерцание ради получения истинной мудрости. Вторая реальность – сфера конечного, преходящего и изменчивого бытия самого человека; здесь ему возможность творчества дана в виде разного рода искусств и ремёсел. Такое понимание реальностей и положения человека приводит к выводу, что всякая деятельность, в том числе и творческая, по своему онтологическому значению гораздо ниже созерцания, а созидание, в свою очередь, ниже познания, в силу того что созидает человек конечное, преходящее, а созерцает бесконечное и вечное. Выходит, что античная философия вовсе не отводит творчеству какого-либо главенствующего значения, поскольку

на первое место ею выдвигается созерцание бесконечно-божественного бытия, открывающее пути и одновременно границы истинного знания.

В средневековую эпоху постижение творчества достаточно узко и проблематично. Первый подход связан с пониманием Бога как абсолютной, универсальной личности, которая творит мир совершенно свободно. В этой концепции феномен творчества предстает как божественный акт создания бытия из небытия свободным произволением Всемогущего – взгляд, характерный для восточных отцов Церкви раннего христианства (Василия Великого, Афанасия Великого, Иустина и др.). Здесь творчество является тайной и уделом только Бога, а человеку в нём места нет, человек ощущает и осмысливает себя тварью, ущерблённой грехом и мыслящей лишь о помиловании.

Однако во второй, более философской, нежели богословской, близкой к пантеизму трактовке, где Бог – это «...совершеннейшая природа, нежели воля, сама себя раскрывающая и делающая совершенной» [1, с. 63], человеческое творчество уже возможно как «творчество истории». История, согласно средневековому представлению, есть именно та сфера, в которой люди могут принимать участие, но только в осуществлении «замысла Божьего» в мире. Иначе говоря, в творчестве человек как бы постоянно обращен к Богу, но не как свободный соделатель, а как рефлектирующий мыслитель, в результате бесконечных и часто бессмысленных усилий постигающий от века свою несамостоятельность и ограниченность. В этом плане и занятия философией в период средневековья теряют антич-

ную самодостаточность в силу того, что философствование обращено уже на укрепление религиозной веры людей. Ф. Аквинский, например, утверждает: «разум и основанное на нём философское знание могут соучаствовать в решении центральной теологической проблемы – спасения души» [7, с. 282].

Мистическое направление средневековой мысли, представленное именами Мейстера Экхарта, Бонавентуры, Ангелуса Силезиуса, Франциска Ассизского и др., не разрабатывало проблему творчества напрямую, так как не являлось чисто философским, но, по сути, находилось в ней. Иными словами, вся средневековая мистика существовала как непрестанное, бесконечное по своей сути и таинственное слияние человека с Богом, в котором сотворчество Логосу выражалось как постижение и очищение собственной души. Поэтому не говорить о творчестве в средневековой мистике нельзя; другое дело, что его невозможно именовать предметом чисто человеческой деятельности или волевой, созидательной активности. Средневековая мистика, безусловно, тяготеет к пониманию созерцания, как высшей формы бытия разумной твари, т. е. человека.

Ограничение человека в его возможности самостоятельно творить снимается в эпоху Возрождения. В этот период человек рассматривает себя как полноценного творца, прежде всего, в художественном выражении. Именно в эту эпоху феномен творчества становится интересен сам по себе, как предмет исследования – философский, эстетический, психологический. Важным объектом познания в эпоху Возрождения становится личность художника, как творца нового, ранее

не известного; возникает рефлексия в осмыслении творческого процесса, которая незнакома ни древности, ни средневековью, но столь характерна впоследствии именно для Нового времени. Недаром Козимо Медичи именует художников тонкими божественными натурами, а не ослами с поклажей, которых можно измерять общей меркой [9].

В противоположность Возрождению эпоха Реформации понимает творчество не только и не столько как эстетическое начало, сколько как некое действие, направленное на поиск нового в различных его вариантах. Творчество распространяется на другие, не художественные виды человеческой деятельности: науку, технику, хозяйственную и политическую активность. В Новое время пантеистическая традиция понимания мира, начиная с Джордано Бруно и продолжая уже развёрнутой концепцией Бенедикта Спинозы, фактически повторяет, воспроизводит античное отношение к творчеству, как к чему-то менее существенному по сравнению с познанием, которое, в конечном счёте, есть созерцание вечного и неизменного Бога, проявленного в природе. Философия же, формирующаяся под более нарастающим влиянием идей протестантизма (Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм), трактует творчество как некую удачную, но чаще всего случайную комбинацию уже существующих элементов, более всего похожую на изобретательство.

Достаточно развёрнутая и весьма интересная концепция творчества создается в период развития немецкой классической философии И. Кантом. Он говорит о творчестве как о преобразовательной деятельности, из-

меняющей облик мира и создающей новый, ранее не существовавший, так называемый «очеловеченный» мир. Кант творческий процесс полностью относит к феномену сознания в форме особой способности воображения; творчество как «трансцендентальное» воображение соединяет воедино чувственные впечатления и понятия человеческого рассудка. Оно, главным образом, принадлежит процессу познания, носит гносеологический характер [8]. В этом плане концепция творчества Канта противоположна концепции Платона, понимавшего феномен творчества онтологически, как процесс творения «бытия из небытия». Кант также подчёркивает, что, поскольку в творческом воображении присутствует момент произвольности, оно есть коррелят изобретательства; но одновременно творчество, будучи «предельным», «трансцендентальным» видом познания, вскрывающим границы гносеологии вообще, неразрывно соединено с аксиологией, нравственной философией, «конечными» вопросами о бытии.

Особого внимания заслуживают суждения И.Г. Фихте [14], который вслед за Кантом обосновывает важную роль в творчестве феномена воображения: согласно Фихте, реальный предметный мир проникает в теоретическую систему через деятельность воображения. Фихте различает в самой способности воображения два момента: момент продуктивный (творческий), когда познание впервые производит нечто, и момент репродуктивный, когда нечто, уже созданное, вновь и вновь воспроизводится сознанием. При этом Фихте особо подчёркивает, что никогда не существует

продуктивного воображения без репродуктивного, и наоборот. Исходя из такого толкования, Фихте под творчеством понимает «конструирование в фантазии», причем за познающим индивидом непременно стоит всё человечество со своими предрассудками, ошибками, победами, опытом.

Концепция творчества Канта как учение о преобразовательной способности воображения была развита и Фридрихом Шеллингом [16], понимавшим работу воображения как акт достижения определённого единства двух видов бытия: сознательного и бессознательного. Для такого творчества нужен особый человек – гений, наиболее одарённый способностью соединять две формы жизни (сознательную и бессознательную) воедино. Согласно Шеллингу и другим представителям романтизма, творчество – это высшая форма человеческой жизни, присущая, прежде всего, философам и художникам. В их творчестве происходит таинственное соприкосновение человека с Абсолютом, с Богом, а многочисленные результаты творческого процесса достаются людям в форме памятников культуры, как некие «продукты» духовных взлётов прошлого. Отсюда возникает новое понимание смыслов истории развития человечества, отличное как от античной, так и от средневековой трактовки. Исторический процесс теперь мыслится вовсе не как роковые циклы смены времён от золотого к железному веку, не как Божий Промысел, а как сфера самораскрытия человеческого духа.

По Бергсону [6], сущность жизни – это именно творчество, которое есть нечто объективно совершающееся: в природе оно происходит в актах рож-

дения, роста, созревания, а в человеческом сознании – в форме творения новых образов и переживаний. При этом активность разума, по Бергсону, не способна создавать принципиально новое – она в своём «новом» определенным образом комбинирует старое. Но Бергсоном творчество противопоставляется изобретательству, подчеркивается принципиально интуитивный характер зарождения творческого акта, решающим началом в котором служит индивидуальность самого творца – целостной, неделимой и неповторимой личности.

Итак, завершая наш краткий анализ философских воззрений на сущность феномена творчества, следует ещё раз остановиться на различии аспектов постижения творческого акта. Раньше мы уже отмечали, анализируя взгляды Платона, что именно онтологический принцип исследования феномена творчества является наиболее важным и глубинным. Но, помимо него, есть много других подходов к изучению творчества: метафизический, гносеологический, аксиологический, эстетический, психологический, экологический, эволюционный и др. [13, с. 8–12]. Необходимо учитывать и их особенности.

Под гносеологическим смыслом творчества, например, понимается особое познание мира и себя через данный совершенно специфический род деятельности; яркий пример такого подхода – концепция И. Канта о творческой способности воображения. В аксиологическом ракурсе творчество рассматривается как ценность, помогающая открыть цели и смыслы бытия, глубинное предназначение человека; яркими примерами этого

направления служат романтические концепции творческого акта (Ф. Шеллинг, Новалис, братья Ф. и А. Шлегели и др.). Под эстетическим смыслом творчества понимается стремление к совершенству в процессе создания новой реальности в явной или неявной форме с опорой на эстетические критерии красоты, гармонии, соразмерности; яркий пример реализации такого рода концепции феномена творчества – эпоха Возрождения, с одной из центральных фигур Леонардо да Винчи. Под метафизическим концептуальным планом рассмотрения творчества понимается таинство сопричастности человека-творца энергиям Божественного бытия; такого рода понимание творчества характерно для русской философии, святоотеческой традиции. Наконец, в рамках теологической интерпретации понятия творчества акцент делается на феномене слияния (синергии) божественных и человеческих начал; именно в синергии усматривалась сама возможность осуществления творчества человеком, как формы его соучастия в божественном промысле о мире (средневековая мистика, Ф. Аквинский, В.С. Соловьев и др.). Таковы основные акценты упомянутых направлений исследования творчества.

В целом же феномен творчества очень сложен и рациональным образом до конца непостижим. Следует отметить удивительную особенность любого творческого акта, которая часто совершенно справедливо фиксируется как некое чудо: чудо в онтологическом его рассмотрении выглядит как превращение небытия в бытие, чудо в гносеологическом плане его проявления есть некое мгновенное озарение

исследователя и т. д. Именно такое видение творчества было характерно для ранних попыток его постижения, о чём мы уже не раз говорили. Само наличие чудесного начала в акте творчества приводило и приводит до сих пор исследователей этого феномена к выводу, что подлинное творчество – удел только Бога. Н.А. Бердяев, например, подчёркивал: сама идея творчества «возможна лишь потому, что есть Творец и что был совершён им оригинальный творческий акт, в котором стало сущим небывалое, не вытекающее из чего предшествующего, не отнимающее и не убавляющее абсолютной мощи творца...» [5, с. 355]. Сам факт ухода от учёта чудесного компонента в творчестве, попытки сведения его к чисто рациональному, сугубо антропологическому плану рассмотрения

привели к полному господству антропоцентрической интерпретации этого феномена, как некоего особого процесса целенаправленной деятельности человека по созданию нового «продукта»: вещей, технологий, «ноу-хау», и только.

К сожалению, в наше время происходят ещё более разрушительные процессы. В.А. Кутырев, например, горестно замечает: «раньше о людях говорили бессмертные души и бранные тела. Оказывается, может быть наоборот: души гибнут раньше. От людей остаются функциональные оболочки. Они и действуют» [10, с. 96]. А Ж.-Ф. Лиотар к концу XX столетия философски подытоживал, что произошла вселенская реабилитация посредственности, которой до творчества вообще нет никакого дела.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аквинский Фома. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 1–43 / пер. с лат. С. Еремеева и А. Юдиной. Киев: Ника-центр Эльга; М.: Элькор-МК, 2005. 576 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. I. М.: 1990. 552 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: 1975. 832 с.
4. Бабушкин В.У. О природе философского знания. М., 1978. 208 с.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. 608 с.
6. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2006. 384 с.
7. История философии: Запад–Россия–Восток (Книга первая) Философия древности и средневековья. М., 1996. 448 с.
8. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. Антропология с прагматической точки зрения // под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гульги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. 743 с.
9. Кривцун О.А. Психология искусства. М., 2002. 224 с.
10. Кутырев В.А. Этюды пессимизма // Философские науки. 1997. № 1. С. 89–100.
11. Платон. Избранные диалоги. М., 1965. 442 с.
12. Платон. Федр / под ред. Ю.А. Шичалина, пер. А.Н. Егунова. М., 1989. 282 с.
13. Самохвалова В.И. Творчество: божественный дар 'космический принцип' родовая идентичность человека. – М.: РУДН, 2007. 538 с.
14. Фихте И.Г. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. 798 с.
15. Шакир-Заде А.С. Эпикур. М., 1963. 222 с.
16. Шеллинг Ф.В. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 637 с.
17. Яковлев В.А. Философия творчества в диалогах Платона // Вопросы философии. 2003. № 6. с. 142–154.

REFERENCES:

1. Akvinskii Foma. Summa teologii, CHast' I. Voprosy 1–43 / Per. s lat. S. Eremeev i A. Yudina [Thomas Aquinas. The Amount of Theology, Part I. Questions 1 to 43 / translated from Latin by S. Eremeyev, and A. Yudin]. Kiev, Nika-Tsentr Elga; M., El'kor-MK, 2005. 576 p.
2. Aristotel' Sochineniya v 4. t. T. I [Aristotle's Works in 4. volumes. Vol. I]. M., 1990. 552 p.
3. Aristotel' Sochineniya v 4. t. T. 4 [Aristotle's Works in 4. Volumes. Vol. 4]. M., 1975. 832 p.
4. Babushkin V.U. O prirode filosofskogo znaniya [On the Nature of Philosophical Knowledge]. M., 1978. 208 p.
5. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. M., 1989. 608 p.
6. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya [Creative Evolution]. M., 2006. 384 p.
7. Istoriya filosofii: Zapad–Rossiya–Vostok (Kniga pervaya) Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya [The History of Philosophy: West–Russia–East (the first Book) the Philosophy of antiquity and the middle ages]. M., 1996. 448 p.
8. Kant I. Soch. v shesti tomakh / Pod obshchei red. V.F. Asmusa, A.V. Gulygi, T.I. Oizermana. T. 6. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya [Works in six volumes / under the General editorship of V.F. Asmus. A.V. Gulyga, T.I. Oizerman. Vol. 6. Anthropology from a Pragmatic Perspective]. M., «Mysl'», 1966. 743 p.
9. Krivtsun O.A. Psikhologiya iskusstva [Psychology of Art]. M., 2002. 224 p.
10. Kutyrev V.A. Etyudy pessimizma [Sketches of Pessimism] // Filosofskie nauki. 1997. no. 1. pp. 89–100.
11. Platon Izbrannye dialogi [Plato's Selected Dialogues] M., 1965. 442 p.
12. Platon Fedr / Red. YU.A. Shichalin, Per. A.N. Egunova [Plato Phaedrus / Ed. Y.A. Shichalin, translated by A.N. Egunova]. M., 1989. 282 p.
13. Samokhvalova V.I. Tvorchestvo: bozhestvennyi dar; kosmicheskii printsip; rodovaya identichnost' cheloveka: Nauchnoe izdanie. [Creativity: a Divine Gift; Cosmic Principle; the Onset of Human Identity: Scientific Publication.]. M., RUDN, 2007. 538 p.
14. Fikhte I.G. Sochineniya v 2-kh tomakh. T. 2 [Fichte I.G. Works in 2 vols. Vol. 2]. SPb., Mifril, 1993. 798 p.
15. Shakir-Zade A.S. Epikur [Epicure]. M., 1963. 222 p.
16. Shelling F.V. Sochineniya v 2 tomakh. T. 1 [Works in 2 volumes. Vol. 1]. M., Mysl', 1987. 637 p.
17. Yakovlev V.A. Filosofiya tvorchestva v dialogakh Platona [The Philosophy of Creativity in Plato's dialogues] // Voprosy filosofii. [The Problems of Philosophy] 2003. no. 6. pp. 142–154.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батурина Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского технологического института; e-mail: BaturinVK@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Baturina – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines in Moscow Technological Institute, Moscow, e-mail: BaturinVK@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Батурина И.В. Феномен творчества как предмет исследования европейской философии: краткий очерк основных идей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 65-73.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-65-73

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Baturina The Phenomenon of Creativeness as a Subject of European Philosophy: a Brief Review of the Basic Ideas // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 4. P. 65-73.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-65-73

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 1:165; 30: 303.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-74-84

ТОПОС: К ТЕОРИИ МАСС-МЕДИА

Мурейко Л.В.

Петербургский государственный университет путей сообщения

Императора Александра I

190033, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 9, Российская Федерация

Аннотация. Топос понимается, как пространство, в социально-антропологическом измерении, как особое место, в котором накладываются друг на друга и место зарождения любой конфигурации воспринимаемого, и место перехода (смены, трансформации) разных форм видимого, и место конкретно зримого как очевидного, не требующего доказательств. В статье кцентируется вопрос о том, каким образом топос осуществляет парадоксальный синтез индивидуального и общего, локально-уникального и тотального. Делается вывод о том, что топосы индивида и масс-медиа сходятся в пространстве особого рода – пространстве перехода, промежуточности и обеспечения связи системы разделённых инстанций (через вариативность смысла).

Ключевые слова: топос, топ, локус, мифологическое пространство, масс-медиа.

TOPOS: TOWARDS THE THEORY OF MASS MEDIA

L. Mureyko

Alexander I St. Petersburg State Transport University,

9, Moskovskiy prospect, St. Petersburg, 190033, Russian Federation.

Abstract. Topos is understood as a space in social anthropological terms, as a special place, the birthplace of any configuration perceived, and the location of the transition (change, transformation) of different visible forms, and the specific place of the obviously visible, requiring no proof. The author highlights the question of how topos provides a paradoxical synthesis of the individual and general, locally unique and total. The conclusion is made that the individual and mass media topoi converge in the space of a special kind – the area of transition, intermediation and connectivity of a set of separated instances (through the variation of meaning).

Key words: topos, top, locus, mythological space, mass media.

Топос – глубинный способ освоения людьми пространства их существования, способ неосознаваемого пространственного упорядочения и уплотнения получаемой информации, влияющий на характер организации мышления в целом. Топос – это и место человека в мире (как определение его социальной роли, его идентификация, смысл существования), и социализированная среда обитания. И первое, и второе предполагают исходно неосознаваемый для человека знаково-символический способ ориентации и структурирования этих чувств, определённой организации своего поведения.

Актуальность и проблематичность заявленной темы определяются тем, что в условиях глобализации и широкой информатизации общества этнические, национальные, исторические, географические значения вынуждены встраиваться в глобальные информационные сети, образующие «пространство потоков» [18].

Способствуя кризису идентичности, связанной с неопределённостью пространственных границ, глобализация проявляется в разрастании феномена «бездомности», экзистенциальная суть которого хорошо схвачена М. Хайдеггером в его «Бытии и времени» терминами “Un-heimlichkeit” и “das Un-zuhause”. Первый в переводе В.В. Библихина означает «жуть», второй – «не-по-себе». Заметим, что “Das Un-zuhause” без приставки отрицания Un означает «домашний очаг», «свой дом», «обжитое место».

Проблему определённости пространства обостряет коммерческий и политический интерес в создании искусственного топоса для придания

особой ценности или, наоборот, обесценивания определённой территории, что обеспечивается посредством особых технологий брендинга [5].

Неконтролируемое влияние на топос со стороны масс-медиа может существенно трансформировать представления людей о пространственно-временной организации мира и сделать его продуктивной мишенью для манипуляции сознанием. Возможны спекуляции на практическом характере топоса. Топос представляет собой «допроблематическое» единство внутреннего и внешнего, видимого и невидимого. Ж. Делез, анализируя опыт освоения пространства в его антропологической многомерности и обращаясь к современной нелинейной постнеклассической науке, к фрактальным геометриям, в своих работах «Складка: Лейбниц и барокко», “Nomadology” и др. описывает это «допроблематическое» единство внутреннего и внешнего с помощью таких понятий, как «складка», «ризом», «плоскость», «поле».

Анализ топоса, обращенный к многомерной, динамично меняющейся практике, выявляет чрезмерную абстрактность противоречивого мышления по отношению к практическим действиям, позволяя мысли быть более конструктивной. В то же время такой анализ обнажает основания спекуляции масс-медиа на возможной продуктивности непротиворечивой формы мышления.

Принято делать акцент на том, что масс-медиа ориентированы преимущественно на стереотипный способ представления вещей, процессов. Однако, наряду с этим, характерные для масс-медиа огромные потоки разно-

плановой информации, с которыми не справляются привычные, доведенные до автоматизма смыслы приводят к ситуации «распада» логики. Это вызывает негласное наложение запрета на универсальные понятия и практические рекомендации, не знающие мест. Появляющееся ощущение неуместности, чрезмерности общепринятого как раз и делает особо актуальной топологию, акцентирующую границы, определённую смысла информации, продуцируемой масс-медиа в условиях глобализации.

Специфику социального пространства уточняли в своих социологических исследованиях Г. Зиммель, П. Сорокин, Э. Гидденс, П. Бурдьё, П. Бергман, Т. Лукман, А.Ф. Филиппов, Ю. Левада и др.

Необходимость исследования точки пересечения субъективности, социальности и пространства, как и особенности пространственного измерения человеческой жизни отмечали в своих философских трудах М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, М. Мерло-Понти, Х. Плеснер, Ж. Делез и др. Уточняя специфику антропологического пространства, В.И. Молчанов пишет: «Феномен пространства-в-мире, или пространства-мира, имеет, по меньшей мере, три негеометрических и нефизических измерения: телесно-ситуативное, функциональное и смысловое» [10, с. 14–15]. При этом незримость пространства в антропологическом измерении, неразрывно связанного на уровне бытия с сознанием, определяется его главным прафеноменом, осуществляющим различение различий. «Прафеномен пространства не сводится к какому-либо одному измерению, даже смысловому; прафеномен – это разли-

чие основных измерений пространства, позволяющее реализовать их связь и сочетаемость» [10, с. 18]. Согласимся с этим тезисом, заметив, что в нём имеется след понятия «хора» Платона и размышлений Ж. Делеза о различении различий как характерной черте топоса.

В современных исследованиях топоса акцент делается на возникновение условий, связанных с глобализацией и быстрым развитием информационных технологий, благодаря которым открываются ранее неизвестные структурные возможности восприятия пространства и времени. М. Кагельс в этой связи говорит о формировании новой, «пространственной логики» [18]. О.В. Новоженкина обращает внимание на непредсказуемые возможности Интернета в плане ломки различных иерархий. У людей постепенно вырабатывается привычка выходить к искомой информации без ввода в поисковую строку каждый раз новых данных, используя вместо того гиперссылки в наличном тексте. В результате формируется способность *изотропии* [13, с. 193], т. е. способности пренебрегать в поисковой работе различием начала, середины и конца пути.

Несмотря на многоаспектность современных исследований топоса, такое его свойство, как балансирование между общим и единичным, связанное с нечувствительностью к противоречиям и обеспечивающее масс-медиа способность к посредничеству, соединению разнородных, весьма отдалённых инстанций, остается ещё мало исследованным.

Цель настоящего исследования – на основе анализа разных подходов к пониманию термина «топос» выявить и проанализировать особый способ

связи единичного и общего, проявляющийся в обеспечении масс-медиа пространством перехода, посредничества и обеспечения связи разделенных многомерных инстанций.

Обращаясь к истокам понятия «топос», следует сказать, что впервые его стал разрабатывать Аристотель. Он выделил два важных вопроса в исследовании топоса: 1) об онтологическом, стабильном статусе того, что «есть», но что по-разному может быть представлено в чувствах и в результате применения риторического искусства, и 2) о логических средствах его безусловного доказательства. Важным в методологическом отношении является выделение Аристотелем двух граней понятия «место» – общего места, «в котором находятся все тела», и особого места, в котором «помещается данное тело» [1, с. 132]. В.В. Савчук по результатам анализа понятия «топос», как оно представлено в философии Аристотеля, правомерно отмечает: «Топос объединяет место и дискурс, и географические особенности места, и способы коммуникации, и осуществления власти» [17, с. 300].

В современных географических исследованиях пространства, ориентированных на междисциплинарные связи с работами социологов, политологов, философов, филологов, культурологов, возникают новые направления под названиями «социально-культурная география», «гуманитарная география» и др.

В «гуманитарной географии» особое внимание уделяется формированию и развитию ментальных конструктов в плане описания и структурирования ими первичных комплексов пространственных восприятий.

К базовым понятиям «гуманитарной географии» относятся: «культурный ландшафт», «географический образ», «региональная (пространственная) идентичность», «пространственный или локальный миф (региональная мифология)» [6, с. 26–27].

Отметим, что первичное «уплотнение» геокультурного образа страны связано с освоением культурных норм и ценностей, «обрабатываемых» посредством специфических языково-мыслительных средств, сжимающих информацию. К ним относятся «мифологема», «концепт», «фрейм», «когниотип», «схема» и др., так или иначе учитывающие смысловые границы информационного поля. Обратим внимание: перечисленные средства сжатия информации лишь на первый взгляд осуществляют функцию её уплотнения только за счёт её обобщения и отбрасывания уникального. Иллюзорность такого взгляда наиболее ярко выявляется при рассмотрении топоса как пространства границы.

Особенность пространства границы определяется другими пространствами, отношением одного конкретного пространства к другому, являясь пространством перехода, «заглядывания» в Иное, примеривания его на себя. Вместе с тем, это пространство индивидуального существования, проявляющее себя через предел вариативности его смыслов. Для потребителя продукции масс-медиа это проявляется в затруднении идентичности, в фиксации множества субъективных миров. В условиях огромного объёма локализованных множеств такая фиксация зачастую существует как интенсивность, как особая энергичность. Возникающее предельное напряжение

может реализоваться как в виде прорыва к подлинности мира, так и в виде «цинического разума», нарциссизма, имплозивной инертности («молчания») масс, потлача.

Определённость в этих условиях возможна за счёт обращения к формализованным конструкциям желаемого, но также – за счёт мифо-логики, ведь «спутанность» может показаться таковой с позиции формальной логики, а с точки зрения мифо-логики она способна быть весьма конструктивной: промежуточный элемент вполне эффективно нейтрализует нерешаемость жестких противоположностей. Важно только, чтобы миф становился более разумным и эстетическим. Сошлемся здесь на мудрое замечание Гегеля: «До тех пор, пока мы не придадим идеям Эстетический, то есть мифологический характер, народ не проявит к ним интереса, с другой стороны, пока мифология не станет разумной, философ будет её стыдиться» [3, с. 213].

Отметим, что схема границы определённости индивида, находящегося в среде масс-медиа, выглядит не как сплошная, чёткая линия круга, а как штрихпунктирная (пропускающая в себя и выпускающая вовне иное и в то же время отграничивающая себя).

Проблема выражения в языке особого сочетания уникального и совместного на границе двух пространств довольно остро заявляет о себе в исследованиях по логике, теории языка, риторике. При особом внимании к способам *неформальной* аргументации в этих исследованиях топос отличают от топа. Это отличие некоторыми авторами проводится через выявление топоса в рамках топа как свойства разных уровней последнего.

При этом выделяется два уровня топа: 1) поверхностный (общезначимые «маркеры» тем языка и аргументов речи) и 2) глубокий (исходные «точки креативности», находящиеся в процессе обнаружения и разрешения проблем) [19, с. 13].

Но в большинстве случаев исследователи топоса либо включают в него топ как его иную сторону, либо противопоставляют топ и топос как самостоятельные инстанции. При этом топ определяется как штамп, клише, распространенные убеждения, существующие в виде, например, догм повседневного существования, аксиом, принимаемых без всякого сомнения, без логических доказательств. Топос же понимается как место сосредоточения, пересечения и разворачивания смыслов, которое неопределённо, порождает сомнения.

В философских исследованиях утверждается событийность топоса, которая проявляется в уникальности и самоорганизации места пересечения смыслов, сосредоточенности их на границе вещи. Подчёркивается поисковый характер выявления и развертывания места смыслов вещи, в ходе которых обнаруживаются их пределы и встреча с иным, которое особенно актуализируется в эстетическом восприятии [4; с. 9].

В литературоведении при анализе художественного пространства понятие «топос» уточняется через соотношение с понятием «локус» (в связи с их синонимичностью в разных языках: греч. *topos* и лат. *locus* означают одно – место). При этом топос имеет два смысла: 1. значимое для художественного текста «место разворачивания смыслов», соотносящееся с каким-ли-

бо фрагментом открытого реального пространства, но не сводимого к нему; 2. «общие места» в виде стереотипного образа, мотива, мысли, а также общих проблем и сюжетов. Локус при этом понимается как имеющийся в тексте «пространственный ориентир», выступающий в качестве ассоциативной единицы, способный вызывать уникальные чувства и мысли [15].

Впервые в анализе художественного пространства термин «локус» стал разрабатывать Ю.М. Лотман, который подчеркивал противоречивую связь определенности места, как локуса, и существования этого места в качестве неустойчивого поля, вызывающего проблемную ситуацию [7].

Говоря о характере парадоксальной связи места определённого предмета (субъекта) и того же места в ином измерении, отметим, что в последнем случае речь идёт о месте, готовящемся принять изменение и разрушение предмета (субъекта) и сменяющие его другие предметы (субъекты). Такое место имеет функцию уникального способа присваивать себе все возможные определённости предметного мира, что невозможно без некоторого безразличия к ним. В разработке идеи о парадоксальной связи места определённо-привычного и места иного измерения, В.П. Океанский отталкивается от соотносительной этимологии термина «локус», его значений в древних языках. На санскрите «локус» (“loka”) означает «свет», «вселенная», «всё», «тотальность»; на латыни (“locus”) – «место», «локальность», «удел». В результате исследователь приходит к выводу, что локус – это «место-имение» тотальности, т. е. локализованный топос, высвечивающий космос уни-

кальным образом. Без него тотальность не сможет существовать [14].

По мнению автора данной статьи, этот вывод можно принять и в широком философском понимании неосознаваемого восприятия пространства: локус – это присущий топосу способ конкретной пространственной идентификации. Не стоит останавливаться на противопоставлении топоса и локуса. Топос в его событийности, открытости многомерному миру, состоянии перехода не лишен индивидуации: без этого была бы невозможной его существенная черта – самоорганизация.

Специфика индивидуального в топосе состоит в том, что, существуя на границе, на пределе, она уравнивается (но не сливается) со своей противоположностью (с индифферентным), находясь с ней в отношении паритета и инверсии. Предел прочности своих границ устанавливается именно через процессуальную примерку на себя иного. Локус непрерывно уточняет топос, мобильно, в деталях и бесконечно отличая от индифферентного, но всегда предполагая его.

В двустороннее содружество топоса и локуса вносит свою лепту топ («общие места» языка). Только в формальной логике топ однозначен. Обеспечивая пространственному значению свойство индифферентности, универсальности, открытости любому случаю, топ не исключает многозначности суждения, сосуществования противоположностей, что особенно ярко демонстрируют мифы, сказки, поговорки как выражение мудрости, учитывающей многоплановый повседневный опыт.

Так, язык мифа особым образом сочетает общее и единичное, топ

и локус в сфере собственных имён (которая, по словам Ю.М. Лотмана, является его ядром) за счёт отождествления в ней слова и денотата. Пластичный характер сочетания общего и единичного в этой сфере проявляется во взаимодействии ритуального изменения имён собственных, с одной стороны, и всевозможных табу – с другой. В этой связи мифологическое пространство «представляется не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена» [7, с. 530]. В промежутках между ними существуют пространственные разрывы. Вследствие этого мифологическое пространство имеет «лоскутный» характер, существуя в виде россыпи локусов. При этом «перемещение из одного locus'a в другой может протекать вне времени, заменяясь некоторыми устойчивыми былинными формулами, или же произвольно сжиматься или растягиваться по отношению к течению времени в locus'ax, обозначенных собственными именами» [7, с. 530]. В особо значимых случаях объект, попадая в новое место и утрачивая связь со своим прежним состоянием, может быть подвергнут переименованию.

Наличие такого (мифологического) представления пространства активно используется масс-медиа и особенно ярко представлено в массовом сознании. В таком восприятии пространства невозможен привычный способ самоидентификации, на чём спекулируют масс-медиа, используя киберпространство. В понимании киберпространства можно согласиться с В.В. Савчуком: оно опирается на кол-

лективное согласованное переживание галлюцинации, предполагающей такие структуры обработки информации, которые во многом совпадают со структурами первобытного сознания [16, с. 32].

Представитель масс, как основной объект интереса современных масс-медиа, реализует индивидуальное преимущественно двумя путями: 1) посредством особой «заботы» со стороны масс-медиа об индивидуальности человека и 2) благодаря неосознанной ситуативно-адаптивной саморегуляции самого человека.

Основным принципом «заботы» со стороны масс-медиа об индивидуальности человека является «управляемый нарциссизм» [2, с. 210–212]. Задачей этой «заботы» является подмена интереса человека к своей подлинной индивидуальности готовым стереотипным образом её суррогата посредством моды, рекламы, политических технологий. Однако симулируемая индивидуальность человека не является всепоглощающей для представителя масс [11; 12]. Наряду с ней, индивидуальность реализуется им в непосредственной жизненной практике по принципу неосознанной ситуативно-адаптивной саморегуляции или аутопойезиса в его описании Н. Луманом [8; с. 20].

Подводя итог сказанному выше, отметим следующее.

1. Анализ топоса социализированного индивида оказывается неполным вне связи с анализом пространства масс-медиа, поскольку оба представляют пространство особого рода – пространство перехода, промежуточности и обеспечения связи разделённых и, зачастую, разнородных инстанций (через вариативность смысла).

2. Имея в виду тесное переплетение в топосе бытия и его языкового выражения, следует отметить, что топос включает в себя две противоположности в их предельном выражении: локус и топ. Их противоречивую связь особенно ярко демонстрирует сознание представителя масс.

3. При этом топ, доминирующий в языке масс, так прикрывает локус, что всегда остается многозначное указание на него, след которого ярко выявляет язык мифа, тесно связанный с архаическим сознанием и проявляющий свою специфику индивидуального в сфере собственных имён.

4. Особенность неосознанного восприятия пространства, выражаемая в языке представителя масс, должна пониматься с учётом двойственности реализации его индивидуальности, формируемой путём 1) стереотипного образа её суррогата и 2) ситуативно-адаптивной саморегуляции.

5. Вслед за Лотманом мы полагаем, что следует «отбросить романтический миф об отсутствии индивидуальности в архаическом обществе. Человек стал человеком, когда он осознал себя человеком. А это произошло тогда, когда он заметил, что разные особи человеческого стада имеют разные лица, различные голоса и различные переживания» [7, с. 133]. При этом важно внести следующее уточнение: в сознании архаического типа индивидуальное реализуется через неосознаваемую ситуативно-вариативную адаптацию к общим нормам. Причём взаимодействие индивидуального и общего осуществляется преимущественно в пространстве их границы. Здесь пространство индивидуального существования проявляет себя через указание на предел вариативности его смыслов, что сближает (но не отождествляет) его с пространством общего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Сочинения: 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет; КДУ, 2006. С. 210–212.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 1300 с.
4. Грякалов А.А. Письмо и событие. Эстетическая топография современности. СПб.: Наука, 2004. 488 с.
5. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 366 с.
6. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–27.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. 704 с.
8. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
9. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. 547 с.
10. Молчанов В.И. Пространство и его тень // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 5 (148). С. 11–20.
11. Мурейко Л.В. Массовое сознание: о специфике субъекта mass-media // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 83–93.

12. Мурейко Л.В. О природе массового сознания в контексте исследований «искусственного интеллекта» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 110. С. 90–100.
13. Новожедина О.В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 195–215.
14. Океанский В.П. Локус Идиота: введение в культуруфонию равнины // Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы. Иваново, 1999. С. 17–200.
15. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.
16. Савчук В.В. Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001. 288 с.
17. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 416 с.
18. Castells, M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2001. 304 p.
19. Durham Cole, W.Jr. Foreword to Vieweg, Theodor, Topics and Law: a contribute on to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1993.
20. Luhmann, N. The Autopoiesis of social systems // Essays on selfreference. New York: Columbia University Press, 1990. P. 1–20.

REFERENCES:

1. Aristotel'. Sochineniya. V 4 t. T.1 [Aristotle. Works. 4 vols. V. 1]. M., Mysl', 1981. 613 p.
2. Bodriyar ZH. Upravlyaemyi nartsissizm [Driven Narcissism] Bodriyar ZH. Simvolicheskie obmen i smert' [Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death]. M., Dobrosvet, KDU, 2006. pp. 210–212
3. Gegel'. Raboty raznykh let. V 2 t. T.1 [Hegel. Works of Different Years. In 2 vols. V. 1]. M., Mysl', 1970. 1300 p.
4. Gryakalov A.A. Pis'mo i sobytie. Esteticheskaya topografiya sovremennosti [Letter and Event. Aesthetic Topography of Modernity]. SPb., Nauka, 2004. 488 p.
5. Dinni K. Brending territorii. Luchshie mirovye praktiki [Branding. Best Global Practices]. M., Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 366 p.
6. Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh humanitarnykh nauk [Humanitarian geography: space, imagination and interaction of modern Humanities] // Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]. 2010. T. 9. no. 3. pp. 26–27.
7. Lotman YU.M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov [Universe of the Mind. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds]. SPb., Iskusstvo–SPB, 2000. 704 p.
8. Luman N. Real'nost' massmedia [The Reality of Mass Media]. M., Praxis, 2005. 256 p.
9. Mamardashvili M.K. Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti) [Lectures about Proust (Psychological Topology of the Way)]. M., Ad Marginem, 1995. 547 p.
10. Molchanov V.I. Prostranstvo i ego ten' [Space and its Shadow] // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie. [RGGU Bulletin Series Philosophy. Sociology. Art History] 2015. no. 5 (148). pp. 11–20.
11. Mureiko L.V. Massovoe soznanie: o spetsifike sub'ekta mass-media [Mass consciousness: the specificity of the subject mass-media] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science] 2009. no. 111. pp. 83–93.

12. Mureiko L.V. O prirode massovogo soznaniya v kontekste issledovaniy «iskusstvennogo intellekta» [On the nature of mass consciousness in the context of research “artificial intelligence”] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science]. 2009. no. 110. pp. 90–100.
13. Novozhenina O.V. Internet kak novaya real'nost' i fenomen sovremennoi tsivilizatsii [The Internet as a new reality and a phenomenon of modern civilization] Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya [The impact of the Internet on consciousness and knowledge structure]. M., IF RAN, 2004. pp. 195–215
14. Okeanskii V.P. Lokus Idiota: vvedenie v kul'turofoniyu ravniny [The Locus of the Idiot: an Introduction to Culturephonia of the Plain] Roman Dostoevskogo «Idiot»: razdum'ya, problemy [The Novel by Dostoevsky “The Idiot”: Reflections, Problems]. Ivanovo, 1999. pp. 179–200
15. Prokof'eva V.YU. Kategoriya prostranstvo v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [Category of space in art refraction: loci and topoi] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. [Vestnik of the Orenburg State University] 2005. no. 11. pp. 87–94.
16. Savchuk V. Konversiya iskusstva [The Conversion of Art]. SPb., Petropolis, 2001. 288 p.
17. Savchuk V.V. Topologicheskaya refleksiya [Topological Reflection]. M., «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 416 p.
18. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2001. 304 p.
19. Durham Cole W. Jr. Foreword to Vieweg, Theodor, Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, Lang, 1993.
20. Luhmann N. The Autopoiesis of Social Systems // Luhmann N. Essays on self-reference. New York: Columbia University Press, 1990. P 1–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурейко Лариса Валериановна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии факультета экономики и менеджмента Петербургского государственного университета Императора Александра I;
e-mail: lamureiko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa Mureyko – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Faculty of Economy and Management of Alexander I St. Petersburg State Transport University;
e-mail: lamureiko@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Мурейко Л.В. Топос: к теории масс-медиа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 74-84.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-74-84

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Mureyko. Topos: the Theory of Mass Media // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 4. P. 74-84.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-74-84

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-85-90

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Сичинава О.М.*Северо-Кавказский федеральный университет**355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается сущность понятия «этнолингвистический фактор» и его роль в современных межэтнических процессах. Автор рассматривает этнолингвистический фактор в качестве механизма стабилизации общественного развития, формирования нового коммуникативного пространства современной цивилизации и важнейшего условия межкультурного общения на Северном Кавказе. Достижение межэтнического согласия видится в обобщении практического опыта при рассмотрении этнолингвистических особенностей в результате межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе.

Ключевые слова: этнолингвистический фактор, межкультурная коммуникация, национальный язык, общероссийская гражданская идентичность.

ETHNOLINGUISTIC FACTOR IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE NORTH CAUCASUS

O. Sichinava*North-Caucasian Federal University**1, Pushkin St., Stavropol, 355009, Russian Federation*

Abstract. In this article we examine the notion of «ethnolinguistic factor» and its role in modern inter-ethnic processes. The author considers the ethnolinguistic factor as a mechanism of stabilisation of the social development; as a means of formation of a new communicative space of the modern civilization; as the most significant condition of cross-cultural communication in the North Caucasus. Inter-ethnic accord is possible to achieve through generalization of practical experience taking into consideration ethno-linguistic features as a result of cross-cultural interaction in the North Caucasus.

Key words: ethno-linguistic factor, intercultural communication, the national language, the all-Russian civic identity.

В условиях этнокультурного многообразия России одной из важнейших задач, обозначенных в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», является «создание оптимальных условий для сохранения и развития языков народов России, использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения и одного из официальных языков международных организаций» [5].

В этой связи особую теоретическую и практическую значимость приобретают исследования, раскрывающие место и роль языка, прежде всего русского языка в процессе межкультурного взаимодействия, а также проблем межкультурной коммуникации и факторов, влияющих на эффективность межкультурных контактов.

Одним из наглядных примеров того, что проблемы сохранения, развития и взаимодействия языков народов России, формирования языковой компетентности находятся в центре внимания представителей российского научного сообщества и органов государственной власти Российской Федерации, занимающихся вопросами межэтнического и межкультурного взаимодействия, может служить прошедший в 2015 г. **Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности»**. Среди широкого спектра проблем, которые обсудили участники семинара, были вопросы об организации образовательного процесса, направленного на формирование общероссийской гражданской идентичности и о роли языка в этом процессе, роли родного языка в республиках Северного Кавказа, а также о способах решения межкультурных разногласий в процессе коммуникации [3].

В настоящее время для анализа проблем языка используют термин «этнолингвистический фактор», который определяет национальные особенности взаимодействия языка и социума. Исследователи нередко заменяют термин «этнолингвистический фактор» такими понятиями, как «язык

в полиэтническом пространстве», «этнолингвистические процессы» (М.И. Исаев, С.И. Брук, М.Н. Губогло), «этнолингвистические проблемы» (Э.Ю. Венецкая), «этнолингвистическая мобилизация» (М.Н. Губогло, В.А. Ачкасов).

Этнолингвистический фактор связан с языковыми и культурными традициями этнической общности, которые основаны на национальном менталитете, национальном видении мира, отражённом в языке, и этим объясняется сложность данного социокультурного феномена. Этнолингвистический фактор рассматривается как важнейший компонент национальной идентичности и национального самосознания.

Любое общение (между представителями одного народа или представителями различных этнических общностей, т. е. межэтническое общение) в своей основе имеет этнолингвистический фактор, который является защитным, сохраняющим элементом в современном обществе с его «увеличивающимися миграционными потоками, «сбоями» в реальной практике идеологии мультикультурализма, а также процессами инкультурализма» [4, с. 274].

Более подробно остановимся на особенностях реализации этнолингвистического фактора в этнолингвистической ситуации на Северном Кавказе, который является поликультурным регионом. «Это целая планета народов, культур и языков, которые развиваются и взаимодействуют на этой территории тысячелетиями» [2, с. 11].

Языковое разнообразие Северного Кавказа обусловлено особенностями этнической истории региона. «До-

статочно взглянуть на карту, чтобы понять, что Кавказ как историческая область уже своим историческим положением как бы призван играть роль своеобразного моста между близлежащими областями Евразии» [7, с. 5]. Однако географическая изолированность не может стать решающим фактором при рассмотрении ключевых различий между кавказскими языками. Влияние русского языка и русской культуры способствовали европеизации, стремлению к мирному сосуществованию и этнокультурному взаимодействию народов Северного Кавказа.

На наш взгляд, можно выделить несколько направлений, которые необходимо учитывать в процессе реализации языковой политики на Северном Кавказе:

– *исследование возможностей языков, которые могут выполнять функцию межнационального общения* (например, кумыкский язык для ногайцев и карачаевцев). Близкородственные языки также иногда могут выполнять функцию «проводников в другую культуру», например, ингушский и чеченский языки друг для друга;

– *осмысление роли русского языка в истории народов Северного Кавказа*. С начала XVI в. русский язык стал использоваться в качестве средства общения между горскими народами и терскими казаками. С XIX в. русский язык выполнял просветительскую функцию для народов Северного Кавказа и со временем стал языком культурного, экономического и политического взаимодействия. В XX в. благодаря русским ученым-лингвистам началось активное изучение культурных особенностей народов Северного Кавказа; была проделана

масштабная работа по изучению языков и диалектов, народного творчества по созданию алфавитов, грамматик, русско-национальных и терминологических словарей, литератур, переводов общественно-политической и художественной литературы с русского на национальные языки Северного Кавказа [6, с. 9];

– *осознание роли и места культуры народов Северного Кавказа в общероссийской культуре*. «Основой этнического самосознания является осознание общности языка, территории и сформировавшейся этнической культуры» [1, с. 12]. В советское время принцип интернационализма, идея дружбы народов способствовали взаимному уважению, взаимообогащению и взаимовлиянию культур народов Северного Кавказа. «В годы социализма, когда произошло выравнивание большинства коренных жителей Северного Кавказа с жителями «русской России», когда кавказцы могли непосредственно наблюдать культуру быта некавказцев, культурный приоритет России, связанные с ним тяготение и магнетизм, стремление познать и позаимствовать «чужое» растаяли» [9, с. 95]. Это явление совпало с распадом СССР, произошёл кризис идентичности, и, как следствие, стали возникать идеи превосходства одних народов над другими. Так, «история черкесов, абазин, абхазов, вайнахов и осетин предстаёт как история основателей государств и цивилизаций» [8, с. 20]. В то же время такую идею нельзя признать единственно верной, ведь существуют и другие народы, которые внесли значительный вклад в мировую историю и культуру (например, дагестанские народы).

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

- полиэтничность России актуализирует поиск путей межэтнического и межкультурного взаимодействия, которое представляет собой процесс взаимодействия и взаимообмена культурным опытом между представителями различных этнических общностей;
- важнейшим условием формирования бесконфликтных отношений на Северном Кавказе является поиск эффективных форм взаимодействия и диалога культур;
- сохранение межэтнического согласия, формирование позитивных практик межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе невозмож-

но без учёта языковых (этнолингвистических) особенностей;

- в современных условиях этнолингвистический фактор способствует мирному сосуществованию представителей разных национальностей и в то же время сохранению их национальной идентичности. Этнолингвистический фактор – это важнейшее условие межкультурного общения;
- этнолингвистический фактор выступает в качестве механизма стабилизации общественного развития, расширения каналов международных связей, формирования нового коммуникативного пространства современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондаренко С.А. Этнолингвистические проблемы формирования общего образовательного пространства европейского союза: автореф. дис ... канд. пед. наук. Рязань, 2009. 22 с.
2. Волова Л.А. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 4–12.
3. Всероссийский семинар-совещание: «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности»: сб. науч. тр. М., 2015. 440 с.
4. Савруцкая Е.П. Этнолингвистический фактор межэтнической коммуникации [Электронный ресурс] // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: [сайт]. URL: <http://www.elib.bsu.by> (дата обращения 20.09.2016).
5. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/#friends> (дата обращения: 25.09. 2016).
6. Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе. Ставрополь: СГУ, 2012. 314 с.
7. Федоров А.Я. Историческая этнография Северного Кавказа: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского университета, 1983. 128 с.
8. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Ростов-на-Дону, 2001. 192 с.
9. Хотко С.Х. Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XII–XVIII веках. Майкоп, 1995. 376 с.

REFERENCES:

1. Bondarenko S.A. Etnolingvistichekie problemy formirovaniya obshchego obrazovatel'nogo prostranstva evropeiskogo soyuza: avtoref. dis ... kand. ped. nauk [Ethnolinguistic problems

- of formation of common educational space of the European Union: Abstract of Ph.D. Thesis in Pedagogics]. Ryazan, 2009. 22 p.
2. Volova L.A. Mezhu'kulturnaya kommunikatsiya na Severnom Kavkaze [Intercultural Communication in the North Caucasus] // Novyi istoricheskii vestnik. [The New Historical Bulletin] 2005. no. 12. pp. 4–12.
 3. Vserossiiskii seminar-soveshchanie: «Yazykovaya politika v sfere obrazovaniya: instrument formirovaniya obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti»: sb. nauch. tr [All-Russian seminar-meeting: “Language policy in education: a tool of forming all-Russian civic identity”: Collection of Scientific Works]. M., 2015. 440 p.
 4. Savrutsкая E.P. Etnolingvisticheskiy faktor mezhetnicheskoi kommunikatsii [Elektronnyi resurs] [Ethnolinguistic factor of inter-ethnic communication [Electronic source]] Kommunikatsiya v sotsial'no-gumanitarnom znani, ekonomike, obrazovanii. [Communication in socio-humanitarian knowledge, Economics, education.]. URL: <http://www.elib.bsu.by> (request date 20.09.2016)
 5. «Strategiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» [Elektronnyi resurs]. [“Strategy of state national policy of the Russian Federation for the period till 2025” [Electronic source].] URL: <http://base.garant.ru/70284810/#friends> (request date 25.09.2016).
 6. Temirbolatova A.I. Problemy yazykovoi politiki i yazykovogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze (na materiale rukopisei arkhivnogo fonda R-1260 GASK [The issue of language policy and language building in the North Caucasus. Stavropol, SGU, 2012. 314 p.
 7. Fedorov A.YA. Istoricheskaya etnografiya Severnogo Kavkaza. Uchebnoe posobie. [Historical Ethnography of the North Caucasus. Textbook]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1983. 128 p.
 8. Khanakhu R.A. Traditsionnaya kul'tura Severnogo Kavkaza: vyzovy vremeni (sotsial'no-filosofskii analiz) [The traditional culture of the North Caucasus: the challenges (socio-philosophical analysis)]. Rostov-on-Don, 2001. 192 p.
 9. Khotko S.KH. Cherkesskie (adygskie) praviteli Egipta i Sirii v XII-XVIII vekakh [Cherkess (Circassian) Rulers of Egypt and Syria in the 12th -18th centuries]. Maykop, 1995. 376 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сичинава Олег Мерабович – аспирант кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета;
e-mail: ramones2222@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg Sichinava – Postgraduate Student at the Department of Social Philosophy and Ethnology at the North Caucasus Federal University;
e-mail: ramones2222@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сичинава О.М. Этнолингвистический фактор в контексте межкультурного взаимодействия на Северном Кавказе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 85-90.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-85-90

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Sichinava Ethnolinguistic Factor in the Context of Intercultural Interaction in the North Caucasus // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 4. P. 85-90.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-85-90

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2016. N 4

Над номером работали:

Литературный редактор Е.О. Духовнова
Переводчик Е.А. Кытманова
Корректор А.С. Барминова
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 5,75, усл. пл. 5,75.

Подписано в печать: 30.12.2016. Дата выхода в свет: 25.01.2017. Заказ № 2016/12-13.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.